

А. НЕНАРОКОВ **ВЕРНОСТЬ ДОЛГУ**

ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ

ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ

А.НЕНАРОКОВ

ВЕРНОСТЬ ДОЛГУ

[О Маршале Советского Союза А. И. Егорове]

Издательство политической литературы • Москва • 1973

355C

H51

Ненароков А. П.

H51 **Верность долгу.** (О Маршале Советского Союза А. И. Егорове). М., Политиздат, 1973.

112 с. (Герои Советской Родины).

Книга кандидата исторических наук А. П. Ненарокова «Верность долгу» посвящена первому начальнику Генерального штаба Маршалу Советского Союза А. И. Егорову. Основанная на новых архивных данных, она рисует образ талантливого и волевого военачальника. В книге раскрываются многие неизвестные до последнего времени страницы биографии маршала.

Н 0164—304
 079(02)—73 242—73

355C

© ПОЛИТИЗДАТ, 1973 г.

За полтора года — два прошения на высочайшее имя. Платные переписчики аккуратно вывели каллиграфическим почерком стандартные слова.

Первое прошение (1901 год) — с выражением желания поступить в армию рядовым на правах вольноопределяющегося. Приложение — свидетельство об окончании 6-го класса Самарской классической гимназии, подписанное И. Н. Родниковым, директором гимназии, одним из наиболее опытных и известных педагогов Поволжья.

Второе прошение — с просьбой о зачислении в Казанское юнкерское пехотное училище. Вместе с ним в дело подшиты:

1. Анкета.

2. Выписка из метрической книги бузулукской Николаевской церкви, подтверждающая, что 13 октября 1883 года¹ у бузулукского мещанина Ильи Федоровича Егорова и его законной жены Марии Ивановны родился сын Александр.

3. Расписка отца в том, что он не имеет возражений против вступления сына, Егорова Александра Ильича, на военную службу и не будет чинить никаких препятствий к прохождению им таковой.

¹ До 1 февраля 1918 года все даты даны по старому стилю.

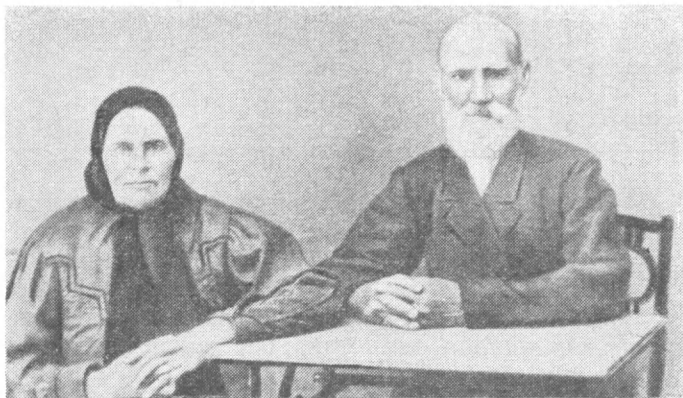
Между первым и вторым прошением служба рядовым на правах вольноопределяющегося 1-го разряда¹ в 4-м гренадерском Несвижском полку².

Служил Александр казеннокоштным, т. е. находился полностью на содержании казны; получал обмундирование, довольствие и особое место в казарме. Денег на его содержание отец не дал. Он считал, что только служба безо всяких скидок и поблажек либо утвердит сына в принятом решении, либо даст ему возможность покончить с армией. Нес службу Александр исправно. 8 мая 1902 года произведен в унтер-офицеры. Домой возвращаться не хотелось. Не из-за отца. Тот, правда, бывал чересчур резок и строг, но почти всегда справедлив. Жить было трудно: семья многочисленна. Александр — четвертый, самый младший из детей. Так появилось второе прошение, решившее его судьбу.

Только увидев себя в списке юнкеров, Егоров понял, что открывшиеся перед ним двери училища окончательно закрывают дорогу в иной, сразу ставший нереальным мир, где остались мечты о консер-

¹ Институт вольноопределяющихся являлся одним из источников комплектования офицерских кадров. К 1-му разряду относились получившие образование не ниже среднего (полный курс высших и средних учебных заведений или курс 6-классной гимназии); ко 2-му — выдержавшие особое испытание по программе, установленной по соглашению министерств военного и народного просвещения (приблизительно по курс 4-классных училищ).

² Здесь и далее прохождение службы дано согласно послужному списку, хранящемуся в коллекции послужных списков ЦГВИА под № 85229, что дает возможность исправить многие неточности, вкравшиеся в очерк И. Мухоперца «Александр Егоров», опубликованный в книге «Полководцы гражданской войны». М., 1960, и в ряд энциклопедических изданий.

Мария Ивановна и Илья Федорович Егоровы

ватории, театре, о славе оперного певца, которую пророчили друзья за красивый звучный баритон.

Жалел ли он когда-нибудь, что так случилось?

Иногда — да. Большей частью — нет, ибо 20 лет из 35-летней воинской службы отдал созданию и укреплению Рабоче-Крестьянской Красной Армии Страны Советов.

НАЧАЛО

Учеба

18 октября 1902 года в Казани можно было наблюдать частичное солнечное затмение. Оно началось в 9 часов 24 минуты по петербургскому времени и продолжалось два с небольшим часа. Из окон пехотного училища, которое находилось в Кремле, хорошо было видно, как черная тень закрыла северо-восточную часть солнечного диска.

Урок физики в младшем специальном классе вел титулярный советник, лаборант при кабинете физической географии Казанского университета Иван Александрович Картиковский. Большую часть положенного ему времени он посвятил этому чрезвычайному событию. Несколько возбужденное состояние юнкеров Иван Александрович отнес на счет исключительности наблюдаемого явления и собственного красноречия и был весьма доволен тем эмоциональным контактом, который наконец-то удалось установить с этой новой для него аудиторией. Вероятно, он забыл или просто не знал, что для его слушателей в этот день кончался срок месячного карантина, во время которого вновь принятых не выпускали за пределы училища, а обучали правилам поведения на улице, в общественных местах, умению отдавать честь, подходить с рапортом к дежурному офицеру, соблюдению формы одежды и т. д.

В Казань они приехали из самых разных мест империи: из центральных губерний России, Сибири, Донской области, Курляндии, с Урала и, конечно, по-

чти из всех городов Поволжья. Большинство — дети крестьян: поселян-собственников и зажиточных, самостоятельных хозяев. Затем — дворяне, мещане, дети священников, чиновников, военных, потомственных почетных граждан. Был даже собственный барон — Александр Витте. И непонятный «фон»: Владимир фон-Вернер, русский. Среди юнкеров были немцы, поляки и один казах — Мулданьяс Бекимов. И все одинаково ждали этого дня — дня первого выхода в город...

Не меньше других ждал его и Егоров. Казань он знал плохо. Запомнились лишь пристань и площадь Александра II с громоздким памятником «царю освободителю» перед Спасской башней Кремля, через которую прошли в училище.

Коренные казанцы-юнкера Петр Подчалкин и Василий Мухин хвалились Николаевским сквером, садом «Черное озеро», Русской Швейцарией и часто цитировали строки, выбитые на пьедестале памятника Державину у городского театра:

Звучи, о арфа, все ты о Казани мне,

Мила нам добра весть о нашей стороне!

И дым отечества нам сладок и приятен!..

Позже, через шестнадцать лет, в августе 1918 года, с горечью думая об оставшихся в захваченной учредилловцами Самаре родителях и с тревогой следя за борьбой под Казанью, захваченной белогвардейскими отрядами Каппеля и белочехов, Александр Егоров часто повторял:

— И дым отечества нам сладок и приятен!

...Пятьдесят минут последнего урока тянулись особенно долго. После звонка 3-ю и 4-ю роты собрали в зале. Их командиры — капитаны Попов и Григорьев, оба выпускники Казанского училища, — огла-

Юнкер А. И. Егоров среди родственников и друзей.
Бузулук, 1904 г.

сили фамилии тех, кто получил увольнение в город. Дежурные по ротам старательно запоминали, ибо им согласно «Своду обязанностей должностных юнкеров» положено было «знать во всякое время и быть в состоянии дать верный ответ начальнику: о числе больных, арестованных, уволенных со двора до

позднего времени и отправленных из роты в составе команд».

После краткого приветствия начальника училища полковника Аргентова и напутственного слова инспектора классов подполковника Геништы командиры рот выдали счастливым увольнительные свидетельства. Егоров получил его лишь на 19 октября. Знакомство с городом откладывалось еще на день. Утешало одно: библиотека училища насчитывала 8 тысяч томов, можно было выбрать, что почитать.

Месяц походил на месяц, неделя на неделю. В каждую — 27 уроков. Закон божий, русский язык, математика, физика и химия, география, история, гигиена, черчение и один из иностранных языков (Егоров учил французский). Из специальных военных предметов — тактика различных родов войск применительно к существовавшей тогда организации; общая тактика (в старшем классе) с кратким понятием о стратегии; военная история, главным образом русская (с Петра I до русско-турецкой войны 1877—1878 годов включительно); топография, фортификация, артиллерия, военная администрация, законоведение, военная география и воинские уставы. Практические занятия по тактике, топографическому черчению, военной администрации, законоведению и конно-саперному делу. В мастерских юнкеров обучали оружейному делу. Летом — лагеря, строевые упражнения, военно-глазомерные съемки в поле, решение тактических задач и саперные работы.

Учеба давалась Александру легко. «...Я в молодости, в военном училище когда учился, — вспоминал он в 1937 году, — разбудите меня в два часа ночи, мог на доске нарисовать форму боевого порядка. Трудности для меня никакой не было в освоении этого

дела»¹. За прилежание и успехи в занятиях приказом по училищу 6 декабря 1904 года Егоров был произведен в старшие портупей-юнкера².

Больше других преподавателей юнкера любили Геништу. В самой внешности Николая Ивановича поражало нечто необычное, одухотворенное, изящное. Дед его был известным музыкантом пушкинских времен, первым переложившим на музыку стихи великого поэта. Даже бороду Геништа носил не под царствующего монарха, как требовала армейская мода, а как у юристов, студентов, словом, интеллигентов из разночинцев. За что и получил прозвище «социал-демократ». Оно закрепилось за ним прочно, хотя подполковник был известен очень умеренными либеральными взглядами.

Двери большой квартиры Геништы — а жил он здесь же, в Кремле, на территории училища, — были всегда широко открыты. Его жена, Вера Афанасьевна, относилась к юнкерам внимательно, понимая, как нужны иногда этим большим детям тепло и уют. Они играли с сыновьями Николая Ивановича — тринадцатилетним Николаем и маленьким Мишей.

Когда 6 апреля 1903 года группа юнкеров, среди которых был и Егоров, явилась поздравить Николая Ивановича с производством в полковники, никто из них не знал еще, что приказом по Казанскому военному округу за № 14 он назначен исполнять обязанности начальника училища. 16 апреля 1904 года Н. И. Геништу утвердили в этой должности, и именно он в 1905 году дал путевку в жизнь будущему Маршалу Советского Союза Александру Ильичу Егорову. Любопытно, что в июле 1914 года, уже в чине гене-

¹ ЦГАСА, ф. 25873, оп. 1, д. 133, л. 8.

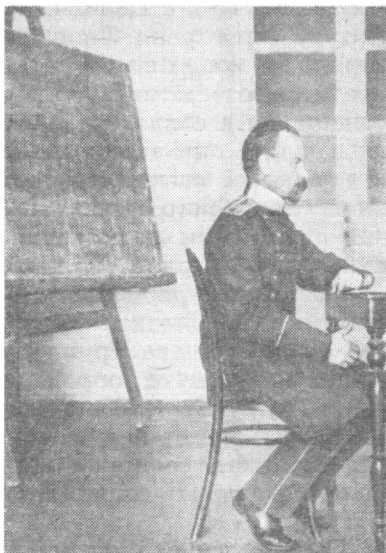
² Портупей-юнкер исполнял обязанности унтер-офицера.

рал-лейтенанта, командуя Александровским военным училищем, Геништа выпустит в лейб-гвардии Семеновский полк подпоручика Михаила Николаевича Тухачевского. Кстати, после Октябрьской революции Н. И. Геништа добровольно перейдет в ряды Красной Армии, став старшим инспектором Главного управления военно-учебных заведений РККА.

Лишь один раз юнкера не поздравили своего учителя и начальника так, как хотели. И было это в день его сорокалетия, 19 января 1905 года. Кровавые события в Петербурге, где 9 января царь расстрелял мирную демонстрацию трудящихся, тяжело повлияли на всех.

Вообще, начавшаяся в ночь на 27 января 1904 года русско-японская война изменила в училище многое. Юнкера следили за сводками фронтовых отчетов и периодически обновляемыми списками погибших в боях, раненных, плененных и получивших боевые награды. Адмирал Макаров и генерал Кондратенко стали самыми популярными героями.

Вместе с тем поражения русской армии на реке

Н. И. Геништа

Ялуцзян (Ялу), у Цзиньчжоу, сдача Стесселем Порт-Артура, проигрыш Ляоянского и Мукденского сражений не могли не оказать влияния на формирование мировоззрения будущих офицеров. Менялось их отношение к солдатам. Юнкера понимали, что, придя в части, они застанут там совсем иного солдата. И тут им не могли помочь ни «Практические заметки из служебного опыта» П. Карцова, ни очерки военной психологии А. Зыкова, ни какие-нибудь другие книги из обширной библиотеки училища.

События первой русской революции резко изменили и политическое настроение юнкеров. В училище создалось две группы: одна — многочисленная, была проникнута определенными монархическими идеями, другая — небольшая, настроена оппозиционно. К ней примыкал и Александр Егоров. Позже в своей автобиографии он отметит, что с 1904 года разделял взгляды социалистов-революционеров (эсеров)¹.

Основу этой оппозиционной группы составляли юнкера, принятые в училище в 1903 году. Особо выделялся Анатолий Куйбышев, сын кузнецкого, Тобольской губернии, уездного воинского начальника, старший брат Валериана Владимировича Куйбышева. Именно через Анатолия Куйбышева поддерживали связь с юнкерами большевики П. С. Венедиктов, М. А. Трилиссер, Н. Н. Накоряков². При обыске в январе 1906 года у этой группы были найдены работы Ф. Энгельса «От утопии к научной теории»,

¹ См. автобиографию А. И. Егорова, написанную в августе 1926 года. «Исторический архив», 1962, № 1, стр. 202.

² См. Н. Знаменский. Военная организация при казанском комитете РСДРП(б) и революционное движение в войсках Казанского военного округа в 1905—1907 гг. Казань, 1926, стр. 21; ЦГВИА, ф. 1750, оп. 1, д. 815, л. 11.

В. Либкнехта «Наши цели», К. Каутского «Программа германской рабочей партии» и «Рабочее движение в середине века», Ф. Лассалья «О сущности конституции» и др., изъяты нелегальные издания «Вперед», «Искра», прокламации, среди них социал-демократические и эсеровские.

После январских событий 1905 года юнкера Быстров, Федоров, Быков и Жданов устроили сбор в пользу «политических преступников». Портупей-юнкеров, принявших в этом участие, понизили или разжаловали в рядовые. В апреле был переведен из старших в младшие портупей-юнкера и Егоров. Лишь заступничество Геништы спасло многих от более суровых наказаний.

Тогда же в апреле 1905 года, по окончании курса, когда юнкера в порядке старшинства разбирали вакансии, Егоров записался в 13-й лейб-гренадерский Эриванский полк.

Учеба кончилась. Началась служба.

Служба

Послужной список высылался канцелярией училища прямо в часть. В нем значилось, что приказом по военному ведомству Александр Ильич Егоров произведен 22 апреля 1905 года в подпоручики со старшинством с 9 августа 1904 года, т. е. ему, как окончившему юнкерское училище по 1-му разряду, давалось преимущество в выслуге лет на один год для производства в чин поручика.

Полк стоял на Кавказе, в урочище Манглисс, близ Тифлиса, и в составе Кавказской гренадерской дивизии входил во 2-й Кавказский армейский корпус.

Через две недели по прибытии в часть Егоров был командирован в Баку. Пролетарский город бастовал. Борьба бакинских рабочих привлекала всеобщее внимание.

Революционное движение в Российской империи ширилось, охватывая все новые и новые губернии и города.

Батальон 13-го лейб-гренадерского Эриванского полка направили в Баку для патрульной службы и охраны промысловой территории. Какое значение придавалось установлению порядка в городе и на промыслах, можно судить по тому, что с 8 по 10 сентября части бакинского гарнизона инспектировал главнокомандующий войсками округа, генерал от кавалерии, наместник царя на Кавказе, генерал-адъютант граф Воронцов-Дашков. В это же время в Баку вступили прибывшие из Киевского округа полки 2-й бригады 33-й пехотной дивизии (131-й пехотный Тираспольский и 132-й пехотный Бендерский полки).

Егорова утомляла непрерывность ежедневных нарядов, угнетала напряженность. Все чаще и чаще батальон назначали в конвой, на охрану тюрем, разгон демонстраций, предупредительное патрулирование и т. п. Практически армия находилась в состоянии войны с собственным народом. Высочайшие приказы лишь подтверждали это. 26 декабря начальник Главного штаба телеграфировал во все округа: «Государь император высочайше указать соизволил, что на выстрелы войска обязаны отвечать выстрелами же и сокрушать малейшее поползновение вооруженного сопротивления».

4 января 1906 года Воронцов запретил всевозможные отпуска «ввиду особых условий службы в настоящее время и общего положения дел в крае».

Стачное движение распространилось на все крупные города. В октябрьские дни 1905 года забастовали железнодорожники. Крестьянские выступления охватили горные и окраинные районы: Рачу, Лечхумы, Сванетию, Хевсуретию, Тианенский, Борчалинский и Ахалцихский уезды. Всюду свирепствовали карательные отряды.

Официальная пресса превозносила армию за ее верность присяге, царю и отечеству. В редакционной статье «Солдат и политика» газеты «Новое время» № 10648 за 1905 год проповедовалась аполитичность армии, подчеркивалась мысль, что исполнение приказов есть гарантия силы в борьбе с хаосом и образец служения родине и народу. «Пришла пора доказать, что вас не зря растили и воспитывали на народные деньги,— обращалась газета к офицерам и солдатам.— Армия — оплот власти».

В приказе по округу Воронцов-Дашков подчеркнул ответственность офицеров за поведение солдат. Егоров эту ответственность понимал. И не только за солдат, но и за все, в чем вольно или невольно принимал участие: поход в горы осенью 1905 года против восставших крестьян, «содействие гражданским властям» в Тифлисе, командировка зимой и летом 1906 года в Гори и дальше для подавления «мятежа», в 1907, 1908, 1909 и 1910 годах гарнизонная служба в Тифлисе, Ахалкалаке и Ахалцихе, охрана линии закавказских железных дорог и т. д. и т. п.

Молодой поручик (очередное производство последовало 10 ноября 1908 года) преклонялся перед лейтенантом Шмидтом, возглавившим восстание моряков Черноморского флота, в то время как его собственная служба была отмечена первым орденом — орденом Св. Станислава 3-й степени. Девиз ордена «награждая поощряет» убедительно подчеркивал, что

между революционными мечтами и действительностью — дистанция огромная. Все это служило основанием для постоянного недовольства собой.

Одна была радость в Тифлисе — Варенька. Училась она еще в пятом классе гимназии и многие из сослуживцев удивлялись, что ему, офицеру, за интерес проводить время с этой маленькой, застенчивой девочкой, у которой, по их мнению, только и было, что большие, красивые косы. Родители Вари, поначалу очень недовольные столь частыми визитами поручика, видя его привязанность и преданность, смягчились. Они поняли, что Александр искал у них то, чего был лишен, — семейного очага и душевного тепла близких людей. Три года каждую свободную минуту проводил он у Васильевых, а ранней весной 1911 года сыграли свадьбу, хотя Илья Федорович Егоров и не дал своего родительского благословения, заявив, что, поскольку невеста ему представлена не была, видеть ее он не хочет.

В семье жить стало проще, спокойнее. И все же, когда в апреле того же 1911 года последовал приказ о его переводе на службу в 132-й пехотный Бендерский полк, который возвращался в Киевский военный округ, Егоров покинул Кавказ без особых сожалений. Отныне и до самой Октябрьской революции его судьба будет связана с этим полком. Историю Бендерского полка весной 1917 года Егоров изложит в составленной им полковой памятке, чтобы «с любовью и желанием ярко ознакомить молодых бендерцев со славными делами полка»¹.

¹ ЦГВИА, ф. 2746, оп. 1, д. 61, л. 48 об.

На новое место прибыл в мае 1911 года. Поначалу зачислен младшим офицером в 9-ю роту.

Авторитет среди солдат и товарищей пришел не сразу. Через месяц на состязаниях по стрельбе из револьвера выбил право на приз. Потом это было не раз, но для морального самоутверждения этот, первый, имел большое значение. Осенью прошел месячную стажировку в пулеметной команде. Испытание выдержал удовлетворительно.

Считая, что «полевая фортификация и все виды укреплений должны быть усвоены, начиная с самоокапывания», которое он полагал «обязательным видом защиты в боевой обстановке», молодой командир учил солдат и вместе с ними учился сам мастерскому обращению с пехотной лопаткой. Потом Егоров вспомнит, как пригодилось им это в первом же бою, когда солдаты совсем было лопатки забросили, а под пулеметным огнем тотчас же о них вспомнили, каждый ее вытащил и стал окапываться, и много быстрее, чем на учении. «Хорошо еще,— добавит,— что поле было картофельное. А со второго дня лопатки с обоза все взяли, с собой стали носить»¹.

На плацу Егоров ежедневно учил солдат штыковым приемам рукопашного боя. «Острие штыка решает успех боя,— подчеркивал он и в 1937 году.— Огонь проложил дорогу, а захватить, удержать — это дело штыка»², т. е. прежде всего солдата.

«Мы солдаты старого времени и штыковой бой у нас достаточно сильно был поставлен,— отмечал Его-

¹ ЦГАСА, ф. 25873, оп. 1, д. 133, л. 23.

² Там же, л. 21.

ров,— и этим делом командир занимался, а не какой-то, простите за выражение, инструктор физической подготовки»¹.

...Учение, учение, учение. Каждый день тяжелый труд с утра и до вечера. Но молодой офицер успевал при этом следить и за новинками специальной и художественной литературы, и выбраться иногда с женой в театр, сходить в гости к друзьям, принять их у себя. Часто пел для гостей, а то и без них, просто для Вареньки.

Весной 1912 года Егоров подал рапорт о желании поступить в Интендантскую академию, открывшуюся незадолго до этого в Петербурге. В академию принимались офицеры всех родов войск, окончившие военные или юнкерские училища по первому разряду и имевшие стаж службы не меньше шести лет.

Кандидаты в академию в марте одновременно во всех округах и окружных интендантских управлениях подвергались предварительным испытаниям по математике, военной администрации и политической истории. Темы присылались академией. Ответы отправлялись в Петербург и рассматривались академической конференцией. Те, чей ответ был признан удовлетворительным, вызывались для сдачи вступительного экзамена.

Успешно выдержав предварительные испытания, Егоров выехал 17 августа в Петербург. И почти тут же по прибытии в столицу он получил из Киева телеграмму. В ней говорилось, что здоровье жены резко ухудшилось. Егоровы ожидали ребенка. Пришлось возвращаться домой, так и не приступив к экзаменам.

31 марта 1913 года родилась девочка. Назвали ее

¹ ЦГАСА, ф. 25873, оп. 1, д. 133, л. 22.

Татьяной. Как только стала сидеть, сфотографировали. Широкое, открытое, совсем отцовское лицо, только нежнее и мягче. Такие же большие, егоровские глаза, смело и без тени удивления глядели на мир. «Дорогому дедушке,— написал на обороте счастливый отец.— Может, он теперь соберется приехать к нам, на меня посмотреть. Твоя Татуся». Так он и звал дочь, даже когда она стала взрослой.

И снова армейские будни. День за днем на плацу, в поле, в манеже. Командировки, смотры.

Товарищ по полку штабс-капитан князь Сумбатов через своего родственника известного русского театрального деятеля, актера и драматурга Александра Сумбатова-Южина добился для Егорова разрешения на вольное посещение Киевской консерватории, открытой в 1913 году. Несколько месяцев Егоров учился пению. Это волновало больше, чем очередное производство, теперь уже в штабс-капитаны, медали и утверждение ротным командиром.

Он принял 14-ю роту 17 июля 1914 года. Это было через два дня после того, как Австро-Венгрия объявила войну Сербии.

Началась первая мировая война. Она заставила штабс-капитана Егорова, как и многих других, задуматься над тем, что ускользало от внимания в мирные дни, увидеть и понять многое из того, что было трудно осознать и принять до этого.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ

Бои и награды

С первого дня войны, повинаясь невидимому дирижеру, хор «патриотических» газет слаженно затянул шовинистические песни: надо забыть «внутренние распри», сомкнуться у престола, отдав в нужную минуту жизнь «за веру, царя и отечество». Война изображалась «священной войной исторической мести», «спасающей» славянство и русские земли от немецкого ига.

Хотя в первых сражениях Восточно-Прусской операции, начавшейся 4 августа, армии русского Северо-Западного фронта и разбили 8-ю германскую армию, оказав тем существенную помощь терпящей поражение Франции, стало ясно, что Россия к войне оказалась неподготовленной. К сентябрю русские армии, неся тяжелые потери, были вытеснены из пределов Восточной Пруссии. Победа обернулась катастрофой.

Одновременно с Восточно-Прусской операцией на Юго-Западном фронте 5 августа началась Галицийская битва. Здесь принял боевое крещение штабс-капитан Егоров.

«Под ложечкой сосало и волосы дыбом вставали, когда мы пошли в первый раз в атаку 13 августа 1914 года»¹, — вспоминал он потом. В этот день в бою под Буском его рота штурмом взяла укрепленную неприятелем деревню Виерцблони. В штыковой ата-

¹ ЦГАСА, ф. 25873, оп. 1, д. 133, л. 22.

ке удалось оттеснить две роты противника. В тыл отправлено около 60 пленных солдат и 2 офицера. Штабс-капитан за этот бой был удостоен Георгиевского оружия.

Егоров берег солдат. Он не любил, когда их называли героями, потому что понимал: самоотверженность, стойкость, бесстрашие солдат только тогда имеют смысл, когда их моральной основой является сознательное подчинение личных интересов общим. Отсутствие таковых тяготило его, и он не раз повторял: «Героизм не в том, чтобы идти умирать»¹.

За отличия в боях в первый же год войны штабс-капитан Егоров был удостоен четырех боевых орденов. В 1916 году к этим наградам прибавятся еще две.

Но были еще и другие «награды».

Через две недели после начала военных действий (25 августа 1914 года) в бою у села Логивица Егоров был ранен ружейной пулей в нижнюю часть голени. Из госпиталя он выписался досрочно.

27 апреля 1915 года на позиции у села Заринис тяжело контужен взрывом снаряда, разорвавшегося вблизи от командного пункта. Отправлен в тыл. Врач констатировал ослабление сердечной деятельности с серьезными нарушениями дыхания и потребовал эвакуации. Штабс-капитан вернулся на передовую.

8 июля того же года контужен вновь. Это случилось в поле у поселка Рожаны. Враг обстреливал позиции из тяжелых орудий. Взрыв опрокинул Егорова в момент, когда он пробегал сравнительно небольшой открытый участок. Солдаты оттащили его в окоп. Трудно было открыть засыпанные землей глаза. После этого они долго слезились. Около месяца не про-

¹ ЦГАСА, ф. 25873, оп. 1, д. 133, л. 21.

Капитан А. И. Егоров (стоит первый справа) среди группы офицеров 132-го пехотного Бендерского полка. Июнь 1916 г.

ходило ощущение рези, жара и «песка» в правом глазу. Полковой врач настаивал на госпитализации: конъюнктивит на передовой лечить трудно. Егоров остался в строю.

20 июля его уже без сознания эвакуируют в тыл. Эта третья контузия удержала в госпитале более месяца. И тут же по возвращении, 25 августа, почти на том же самом месте, осколок тяжелого снаряда, разорвавшегося относительно далеко, зацепил колено правой ноги. Ходить можно было только с тростью. Хромал долго, эвакуироваться отказался.

Лишь на короткое время в приказном порядке Егорова откомандировали из действующей армии в

тыл: 30 мая 1916 года последовало производство в капитаны, а в конце июня его назначили командиром 4-го батальона в 196-й пехотный запасной полк, стоявший в Твери.

Остались позади труднейшие бои весны и лета 1915 года, когда в результате прорыва австро-германских войск у Горлицы Юго-Западный фронт начал отступать, оставив Галицию. Много солдат погибло, прежде чем удалось стабилизировать положение.

Русские армии закрепились на рубеже: Рига — Западная Двина — Двинск — Сморгонь — Барановичи — Дубно — река Стрыпа. Замысел германского командования одним ударом вывести Россию из войны не удался. Миллионы беженцев из оккупированных немецкой и австро-венгерской армиями районов двинулись в глубь страны.

В тылу

В первый же день по приезде в Тверь Егоров пошел на берег Волги. Пошел один, подальше от пристани, от людей, в оглушившую его тишину и по-домашнему теплую, пахнущую детством зелень трав.

В тылу многое выглядело по-иному, чем представлялось на передовой.

Официальная печать, военные власти, стремясь вбить клин между армией и рабочим классом, пытались свалить вину за поражение на фронтах на стачки рабочих. Егоров читал воззвание командующего Петроградским военным округом генерала Фролова, в котором тот заявлял, что забастовки рабочих организуются на германские деньги.

Читал он и листовку — ответ Петербургского комитета большевиков: «Клевета на рабочий класс, что они бастуют на германское золото, пущена Фроловым только для того, чтобы вас (солдат) дурачить, сам он, конечно, хорошо знает, что, когда рабочие бастуют, то они жертвуют собой для дела свободы, что они получают не золото, а тюрьму и λοκαуты, что их семьи в это время голодают».

В окопах смысл этих слов остался бы непонятен капитану Егорову. Чтобы уловить его, следовало побывать в тылу, самому увидеть, как живут рабочие, их истощенные жены и дети.

Новой явилась и категория солдат, с которыми Егоров столкнулся в Твери. В основном ими оказались высококвалифицированные рабочие, прежде не подлежавшие мобилизации. Многих из них считали большевиками.

Офицеры, с которыми общался Егоров, в основном читали «Новое время». Среди них были и октябристы (члены партии «Союз 17 октября», оформившейся после опубликования царского манифеста в октябре 1905 года), и конституционные демократы (кадеты), и др. Первым было все ясно. Они считали необходимым лишь создание «ответственного министерства», т. е. правительства, пользующегося доверием деловых кругов. Вторые кичились своими либерально-монархическими взглядами. Все это было чуждо капитану, начавшему интересоваться политикой. Но понять большевиков оказалось трудно и ему. Больше привлекали идеи социалистов-революционеров (эсеров), с которыми он впервые познакомился еще в училище в Казани.

Однако главным своим делом Егоров полагал в то время подготовку солдат и молодых офицеров (все, кто не бывал на передовой, казались ему юнцами) к

тому ужасу, который им предстоял. Он не пугал, но и не приукрашивал. Учил смотреть правде в глаза и щедро передавал свой опыт, то новое, чему научился в боях. Его авторитет и педагогический дар были отмечены: командир полка сделал капитана Егорова своим помощником по боевой подготовке.

И солдаты, и офицеры уважали капитана за прямоту, справедливость и пунктуальную точность. У него не было любимчиков. Он был ровен в обращении, без панибратства и заискиваний. Когда в октябре его вызвали в действующую армию для нового назначения, в приказе по 196-му пехотному запасному полку отмечалось:

«...Имея за собой боевой и служебный опыт и отличаясь большой энергией, капитан Егоров вносил в дело обучения рот своего батальона все те требования, которые выработались условиями современной боевой обстановки. В течение четырех месяцев пребывания в полку капитан Егоров являлся незаменимым работником, как помощник командира полка, в деле боевой подготовки рот, так равно и в деле обучения и воспитания гг. офицеров своего батальона»¹.

В родном 132-м пехотном Бендерском полку за ним закрепили 12-ю роту. Однако, даже не приняв ее, он был откомандирован в Ригу на должность помощника руководителя вторых курсов прапорщиков 12-й армии, где пробыл более двух месяцев. 27 ноября 1916 года А. И. Егорова произвели в подполковники. За несколько дней до нового года он вернулся в свой полк.

А. И. Егоров

¹ ЦГВИА, ф. 2746, оп. 1, д. 57, л. 89.

132-й пехотный Бендерский полк занимал позицию на правом, более низком берегу Западной Двины, между деревнями Булла и Ускур и на островах Рингмундсгоф и Куринский. Батальоны размещались в убежищах-землянках, сырых, плохо вентилируемых и слабо отапливаемых двумя, а то и одной кирпичными печками. Стены и проходы между нарами были обшиты жердями.

За день снегом заносило окопы и ходы сообщения. Чистить приходилось осторожно, большей частью ночью, чтобы избежать обстрела противника.

Подполковник Егоров несколько раз в день проделывал путь к позициям и затем к деревням Вистуль и Миссинь. Ему было поручено наблюдение за командами: учебной, саперной и траншейных орудий, гранадерских и маршевой рот. Вместе со старшим врачом полка и полковым комендантом производил трехдневный доскональный санитарный осмотр полка. Всюду грязь и антисанитария. От печей никакого тепла, только дым. Телогреек, ватных шаровар и овчинных полушубков не хватало. Солдаты мерзли. Рапорты Егорова содержали конкретные предложения, но никто ими не интересовался.

Новый год представлялся годом перемен. О близости революции писал в своих стихах Владимир Маяковский. Другой известный в то время поэт, Велемир Хлебников, длинным строем непонятных, на первый взгляд, дат подводил к обоснованию неизбежности скорого падения монархии. Даже такая правая газета, как «Новые дни», в номере от 3 января писала: «Никогда еще житейские события не заставляли так близко чувствовать что-то высшее... А кто чувствует

это высшее, величественное и грозное, тот полон озабоченности, какого-то священного беспокойства, тот и пытливо всматривается в даль будущего, ощущаемого в тревожности и необыкновенности каждого переживаемого дня...»

Ожидание какого-то выхода из создавшегося тупика проникло и в армию. Егоров особенно хорошо понял это, когда в январе вновь прибыл в Ригу на две недели все на те же курсы прапорщиков. Здесь он встретился с латышскими офицерами, тяготевшими к большевикам (позже они возглавили Исколастрел — Исполнительный комитет объединенного Совета латышских стрелковых полков). Через них познакомился с последними новостями, доходившими до передовой с опозданием.

Настораживало все: и декабрьское убийство Распутина, и непрерывная смена министров, так называемая «министерская чехарда» (в январе 1917 года вместо Трепова председателем Совета министров стал Голицын, вновь сменили военного министра, все больший вес приобретал ставленник Распутина Протопопов). Совет министров иронически именовали «кувыркколлегией». Россия стояла накануне событий, которые должны были дать ответ на многие вопросы, выдвинутые жизнью.

Однако и Февральская революция, свергнувшая самодержавие, не ответила, как вырваться из империалистической бойни, как справиться с порожденной войной и хищничеством правящих классов разрухой, как предотвратить катастрофу, к которой катилась страна.

В обстановке, когда многомиллионные массы впервые потянулись к политике, на время самой многочисленной партией в стране стала эсеровская. На это имелось много причин: лидеры большевиков, го-

нимые царским правительством, были в то время либо в эмиграции, либо в ссылках и тюрьмах; большевиков бросали под пули на передовую; вместо сознательных пролетариев в городах оказались те, кто еще плохо разбирался в сложностях политической борьбы.

Росту эсеровской партии немало способствовала практиковавшаяся ею система коллективного приема новых членов. Среди так называемых «мартовских» эсеров насчитывалось много интеллигентов, студентов, офицеров. В эти же дни членом партии социалистов-революционеров стал и А. И. Егоров, позже возглавивший партийную фракцию в дивизионном комитете.

Апрельский кризис Временного правительства, провал авантюристического июньского наступления на фронте, июльские события привели его в ряды левого крыла партии эсеров, которое стало быстро расти летом 1917 года.

Восстание генерала Корнилова помогло понять Егорову, что правящие круги разжигали антибольшевистскую истерию с целью установления военной диктатуры в стране и подготовки к восстановлению монархии. Ни для кого не составляло секрета, что это выступление было подавлено прежде всего рабочими, революционными солдатами и матросами, которых возглавили большевики.

В августовские дни подполковник А. И. Егоров избран в Совет воинских депутатов 12-й армии¹. В списке он стоял вторым. За него проголосовало более трети всех участвовавших в выборах.

Еще раз уважение и доверие солдат он почувствовал на дивизионном совещании в первых числах сен-

¹ ЦГВИА, ф. 2746, оп. 1, д. 64, л. 38.

тября. Обсуждался злободневный вопрос — вопрос о демобилизации. Многие призывные возрасты уже давно должны были быть уволены с действительной службы. Временное правительство ограничивалось лишь широковещательными обещаниями. Создание в армии особых комиссий по демобилизации означало, что армия брала решение этого вопроса в свои руки. А. И. Егорова дивизионное совещание включило в состав такой комиссии при штабе дивизии.

В конце сентября он, став во главе дивизионного комитета, сыграл немалую роль в воссоздании исполнительного комитета 1-й армии (армискома-1), распущенного в июле.

С напряженным вниманием в армии в эти дни следили за событиями, разыгравшимися в стране.

Временное правительство пыталось применить против большевизированных Советов силу. Было ясно, что вооруженное столкновение неизбежно.

24 октября юнкерские караулы в Петрограде забирают важнейшие пункты города. Предприняты попытки закрыть газету «Рабочий путь» и «Солдат». Отдан приказ о немедленном аресте большевиков. Однако предупредить вооруженное выступление их Временному правительству не удалось.

25 октября стало известно о подписанном В. И. Лениным обращении «К гражданам России!». В нем сообщалось о низложении Временного правительства. К этому моменту все ключевые позиции в Петрограде были в руках большевиков. В 22 часа 40 минут в Смольном открылся II Всероссийский съезд Советов. В 3 часа 10 минут пал Зимний дворец. Временное правительство было арестовано. Министр-председатель Керенский еще утром 24 октября бежал из города на машине с американским флагом. В 5 часов утра 26 октября съезд Советов принял написанное

Лениным обращение к «Рабочим, солдатам и крестьянам!», провозглашавшее переход всей власти в стране в руки Советов.

30 октября в Альтшваненбурге открылся общеармейский съезд 1-й армии. А. И. Егоров прибыл на съезд делегатом от 33-й дивизии.

Поздно вечером 30 октября, уже в одиннадцатом часу, когда закончились выборы руководящих органов съезда, была оглашена телеграмма начальника штаба Северного фронта о приказе Керенского направить ему в помощь к Пскову наиболее боеспособные и хорошо укомплектованные части. Представители всех партийных фракций призвали съезд отвергнуть попытку Керенского втянуть армию в новую авантюру. Съезд 1-й армии единогласно отказал в поддержке бывшему премьеру.

Вечернее заседание 31 октября совпало с возвращением из Петрограда делегатов II Всероссийского съезда Советов — левых социалистов-революционеров Ивана Джаншемирова, Григория Семенова и беспартийного Федора Гончарова. Вместе с ними был и комиссар Петроградского военно-революционного комитета С. Кожевников. Они познакомили с подробностями октябрьских событий в Питере, огласили состав нового правительства во главе с В. И. Лениным. Стало известно об окончательном расколе в эсеровской партии: правые эсеры покинули съезд, а составляющие большинство фракции левые эсеры остались на съезде и по важнейшим вопросам дня голосовали вместе с большевиками.

По поручению президиума подполковник Егоров выступил при обсуждении этого своеобразного отчета делегатов II Всероссийского съезда Советов и предложил принять левоэсеровский проект резолюции об отношении к новой власти.

Его выступление показывало, что он в те дни целиком разделял ошибочное требование левозсеровского руководства о создании так называемого «однородного социалистического правительства» с участием меньшевиков, правых эсеров и других партий и групп. Но еще до того, как сотрудничество с большевиками было оформлено слиянием ВЦИК рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и вхождением некоторых руководителей левых эсеров в состав Совнаркома, Александр Ильич Егоров наряду со многими другими представителями низовых организаций активно работал совместно с большевиками. 5 ноября на предпоследнем заседании армейского съезда А. И. Егоров и 14 его товарищей по партии были избраны в армиском-1, который возглавил солдат, большевик с апреля 1917 года А. Н. Войтов. Егорова избрали одним из заместителей председателя. Военным комиссаром армии стал левый эсер, сочувствующий большевикам, штабс-капитан Д. Н. Авров.

Помощник комиссара армии солдат-большевик Иван Мухоперец вспоминает, что в самом конце работы съезда на сцену снова вышел Егоров. Он поднял руку, призывая к тишине, и звучным, красивым баритоном вдруг... запел! Миг — и делегаты подхватили знакомые каждому слова «Дубинушки».

Эй ухнем, эй ухнем,

Еще разик, еще раз! —

гремел зал.

Через несколько дней после закрытия съезда в Альтшваненбурге дивизионное начальство включило А. И. Егорова в списки кандидатов на должность командира полка. 9 ноября приказом по армии и флоту он произведен в полковники¹.

¹ ЦГВИА, ф. 2746, оп. 1, д. 65, л. 62.

О том, сколь велик был авторитет Егорова среди солдат и новых революционных органов армейского руководства, можно судить хотя бы по двум фактам. Когда 19 ноября на имя комиссара ВРК 1-й армии поступила телеграмма от народного комиссара по военным делам Н. И. Подвойского с просьбой срочно командировать в его распоряжение «офицеров, чиновников, врачей и солдат, вполне преданных новому строю», для замены офицерского состава в центральных учреждениях и заведениях военного министерства, одним из первых в список, составленный прямо на тексте телеграммы, был включен А. И. Егоров. В этот же день на адрес армискома-1 пришла еще одна телеграмма. Ее подписал председатель ЦИК Советов Я. М. Свердлов. Она гласила: «В осуществление решения ЦИК о пополнении ЦИК фронтом и флотом предлагаем вам немедленно прислать делегатов по пять человек на армию и одному на фронтовой центр, если он переизбрался в последнее время»¹. И здесь первыми были выделены: большевик Иван Ильич Смирнов и левый эсер Александр Ильич Егоров.

Они отбыли в Петроград 22 ноября. В кармане гимнастерки Егорова лежало выданное президиумом армискома-1 удостоверение за № 823: «Предъявитель сего член армейского исполнительного комитета 1-й армии полковник Александр Ильич Егоров делегирован представителем от армискома-1 в Центральный Исполнительный Комитет Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов 2-го съезда, что подписью и приложением печати армискома-1 удостоверяется»².

¹ ЦГВИА, ф. 2746, оп. 1, д. 65, л. 97.

² Там же, д. 19, л. 342.

НА ЗАЩИТЕ РЕВОЛЮЦИИ

Так пришла политическая зрелость

Казалось, все на своих местах: дома, набережные, мосты. По-прежнему много, даже больше, чем всегда, публики на Невском. Красочные афиши на рекламных тумбах все также чередуются с листками официальных сообщений. Только у каждой из них не расходятся обсуждающие новости группы. Только проходят по улицам патрули, да у общественных зданий стоят караулы из красногвардейцев.

Учреждения закрыты. Окна бывших министерств зияют пустотой. На площади у биржи труда — сотни встревоженных людей, саботирующие чиновники уничтожили списки безработных.

В Смольном Егоров по-настоящему ощутил весь драматизм и накал положения. Его поразил тот напряженно четкий ритм, в котором жил теперь, и это после стольких нелегких военных лет, огромный город на Неве.

С 28 ноября по 1 декабря состоялось первое совещание по подготовке демобилизации старой армии. Руководили им большевики Н. И. Подвойский (один из народных комиссаров по военным делам) и М. С. Кедров (зам. наркома по отделу демобилизации; позже отдел преобразовали в самостоятельный комиссариат). Обсудив положение на фронте, настроение солдат, состояние продовольственного дела и учитывая, что немедленное увольнение выслуживших законный срок службы солдат (т. е. призванных включительно до 1914 года) облегчит разработку и

А. И. Егоров

проведение общей демобилизации, совещание приняло следующее обращение к Совету Народных Комиссаров:

«...В случае, если общее политическое положение страны в связи с ведущимися переговорами о мире не препятствует сокращению армии, необходимо немедленно же приступить к увольнению возможного числа сроков, опубликовав соответствующие приказы»¹.

А. И. Егоров на этом совещании был избран в комиссию

по определению возрастов, подлежащих увольнению, и лишних учреждений на фронте и в тылу, которые следовало ликвидировать, а также членом организационного бюро по созыву Общеармейского съезда по демобилизации.

Съезд должен был внести организованность в начавшуюся стихийную демобилизацию старой армии и обсудить проблемы формирования новой. Этот, по существу, высший орган по руководству демобилизацией наметил ряд важных мер и избрал членов кол-

¹ ЦГВИА, ф. 2003, оп. 10, д. 213, л. 160.

легии Комиссариата по делам демобилизации, в их числе был и А. И. Егоров.

При обсуждении 28 декабря вопроса о принципах строительства новой, социалистической армии Егоров голосовал за проект, предложенный большевистской фракцией. В составе особой комиссии, руководимой В. И. Лениным, принял участие в разработке декрета о создании Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА)¹.

Работа в военном отделе ВЦИК, куда он был кооптирован как представитель армискома-1, все дальше и дальше уводила Егорова от левых эсеров.

Возглавлял военный отдел ВЦИК Авель Енукидзе, член большевистской партии с 1898 года. Сын крестьянина Кутаисской губернии, он получил среднее техническое образование в Тифлисе. Так уж случилось, что в начале 900-х годов довелось им с Егоровым работать и служить в одних и тех же местах. Но если только что вышедший из училища подпоручик не решался тогда идти дальше словесного осуждения самодержавных гнусностей и, не нарушая поступавших свыше приказов, участвовал в подавлении революционного движения, то молодой рабочий главных мастерских Закавказской железной дороги, а затем помощник машиниста в Баку стал под влиянием ленинских идей активным организатором марксистских рабочих кружков и одним из основателей бакинской социал-демократической организации. В дни Февральской революции Енукидзе принимал участие в революционных выступлениях войск в Петрограде. На I съезде Советов избран членом ВЦИК от фракции большевиков. Активный участник подготовки и проведения Октябрьского вооруженного вос-

¹ См. «Исторический архив», 1962, № 1, стр. 202.

стания, Авель Енукидзе на II съезде Советов вновь вошел в состав ВЦИК и тогда же возглавил его военный отдел.

Енукидзе высоко ценил организаторский дар и энергию молодого полковника. Объясняя заблуждения, исправляя ошибки, он направлял и определял на первых порах всю его деятельность. Именно по предложению Енукидзе Егоров и после III съезда Советов был кооптирован в военный отдел ВЦИК, «как нужный работник»¹.

Когда 18 февраля 1918 года, нарушив перемирие, Германия начала военные действия против России, Егоров, как инструктор-организатор, формировал в Петрограде отряды Красной гвардии. В эти дни ему довелось неоднократно слышать выступления Ленина.

В ночь на 20 февраля Ленин выступил на объединенном заседании фракций ВЦИК большевиков и левых эсеров, обосновывая необходимость сепаратного мира с Германией. Через три дня на таком же совещании он потребовал подписания мирного договора на любых условиях. Железная логика ленинской аргументации покорила Егорова. К сомнениям, порожденным колебаниями левозсеровского руководства по вопросам строительства новой армии, прибавилось неприятие их программы по проблемам войны и мира. Через четыре месяца он запишет об этом так: «...вынеся на своих плечах весь гнет и тяжесть условий последней (первой мировой.— А. Н.) войны и имея в этом отношении боевой опыт, я совершенно не разделял взглядов ЦК партии левых социалистов-революционеров на вопрос о ведении войны — строении армии»².

¹ ЦГАОР, ф. 1235, оп. 79, д. 16, л. 47.

² «Правда», 16 июля 1918 г.

Уже после того, как лидеры левозсеровской партии в связи с заключением Брестского мира выйдут из состава Советского правительства, ЦИК по предложению Енукидзе доверит Егорову выполнение обязанностей инспектора по формированию и обучению частей Красной Армии. Когда же будет образована Высшая военная инспекция, его выдвинут заместителем председателя.

25 апреля приказом по Наркомвоену за номером 303 А. И. Егорову, как уполномоченному по организации, формированию и обучению РККА, и начальнику Латышской стрелковой Советской дивизии И. И. Вацетису предписывалось «произвести инспекцию в войсковых частях, инструкторских курсах и органах войскового управления, расположенных в Москве и округе»¹.

В конце апреля Егоров прибыл в Тверь. Прошло чуть более полутора лет, как он был здесь в первый раз. Плакаты и транспаранты, лозунги и флаги на улицах города придавали ему праздничный вид. Приближался май, и Тверь готовилась в первый раз отметить международный рабочий праздник в условиях полной свободы. Однако, как отмечал в своем отчете Егоров, «настроение в городских частях Красной Армии скверное, полное отсутствие дисциплины и внутреннего порядка». Главными причинами этого он считал «недостаточное внимание к комплектованию армии со стороны местных партийных и общественных организаций и назначение инструкторами ряда бывших офицеров, к которым красноармейцы относились с недоверием»².

Вопросам назначения командного состава Егоров

¹ ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 92, л. 27.

² ЦГАОР, ф. 1235, оп. 79, д. 10, л. 100.

придавал особое значение. Он считал необходимым наладить широкое обсуждение списков кандидатов с тем, чтобы, во избежание ошибок, каждый желающий мог высказать свои соображения по поводу той или иной кандидатуры. Это и другие его предложения нашли отражение в «Положении о Высшей аттестационной комиссии», утвержденном наркомвоенмором.

Приказом № 268 от 5 апреля все военные учреждения и заведения обязывались представлять в ВАК «списки кандидатов, которых они считают возможным рекомендовать, с указанием, на какую именно должность, перечислением боевых заслуг и других данных, характеризующих кандидата». Военным отделам всех без исключения Советов было предложено «открыть в каждом районе аттестационные комиссии для кандидатов на командные и другие военные должности»¹.

7 мая членами ВАК утверждены Н. И. Бессонов, Н. М. Воронов, А. И. Егоров, Е. В. Молчанов, Я. К. Цихович. Председателем комиссии стал Егоров.

Высшая аттестационная комиссия должна была разработать и утвердить общий порядок аттестации, рассматривать кандидатуры командного состава от командира полка и выше и на соответствующие должности в военных учреждениях, представлять их на утверждение в Народный комиссариат по военным и морским делам, разбирать жалобы.

Одними из первых прошли аттестацию М. Н. Тухачевский, бывший подпоручик, награжденный в первый же год мировой войны за доблесть и мужество шестью боевыми орденами, и Ю. В. Саблин, окончивший в мае 1917 года 2-ю Московскую школу

¹ ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 82, л. 23.

прапорщиков (27 мая оба получили назначение военными комиссарами Московского района Западной завесы¹). Среди тех, чьи кандидатуры рассматривались Высшей аттестационной комиссией, были: член большевистской партии с 1903 года Филипп Исаевич Голощекин, 28 мая назначенный военным комиссаром Уральского военного округа; бывший председатель исполкома солдатских депутатов и комиссар 12-й армии большевик Семен Михайлович Нахимсон, 30 мая утвержденный военкомом Ярославского военного округа, и др.

Как заведующий эвакуотделом Народного комиссариата по демобилизации, Александр Ильич Егоров вел многочисленные, порой весьма сложные переговоры с представителями Германии и ее союзников об обмене военнопленными. «Пришлось иметь много дела,— вспоминал М. С. Кедров,— с важными иностранцами: комиссией Мирбаха, бароном Франсекки, иностранными представителями Красного креста и т. д.»²

В мае 1918 года происходит реорганизация центрального аппарата военного управления. 8 мая вместо Всероссийской коллегии по формированию Красной Армии, Главного управления Генерального штаба, Главного штаба, Главного комиссариата военно-учебных заведений и Управления по ремонту (комплектованию) армии создается Всероссийский главный штаб. Во главе его поставили совет из двух военных комиссаров и начальника штаба. Воен-

¹ Завесой назывались войска, организованные для прикрытия западных границ Советской республики на основе директивы Высшего военного совета от 5 марта 1918 года.

² «От Февраля к Октябрю (из анкет участников Великой Октябрьской социалистической революции)». М., 1957, стр. 175.

ными комиссарами утвердили Н. И. Бессонова и А. И. Егорова, начальником штаба — Н. Н. Стогова¹.

Всероссийский главный штаб являлся высшим военным исполнительным органом. Он ведал вопросами мобилизации, формирования, устройства и обучения войск, разработкой штатов, уставов, инструкций и положений. Ему подчинялись все органы местного военно-административного аппарата. Таким образом, руководство организационными вопросами военного строительства сосредоточивалось в одном месте. Немалая доля заслуги во всем этом принадлежала одному из комиссаров Всероглавштаба — А. И. Егорову, с самого начала создания Красной Армии стоявшего, как писал он сам, «за систему строительства, проводимую центральной Советской властью»².

Близость Егорова к большевикам, его непреклонность в отстаивании и проведении своих, отличных от левоэсеровского руководства взглядов на Брестский мир и строительство новой армии объясняют, почему именно он выступил в дни левоэсеровской авантюры с обращением, опубликованным 16 июля в «Правде»:

«Считая, что для честных работников партии левых социалистов-революционеров принципы Советской власти непреложны и что в эти тяжелые дни, переживаемые Российской Советской Республикой, как никогда, должно быть единение между советскими партиями, основанное на полном подчинении воли меньшинства большинству в Советах, я категориче-

¹ ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 319, л. 211. После бегства Н. Н. Стогова к белым начальником Всероглавштаба со 2 августа 1918 года стал А. А. Свечин, а с 11 октября Н. И. Ратэль.

² «Правда», 16 июля 1918 г.

ски протестую против преступной выходки некоторых членов партии, предводительствуемых зарвавшейся кучкой интеллигентов буржуазного толка и решительно с ними порываю».

После поданного им в московский Городской районный комитет партии большевиков заявления А. И. Егоров в конце июля 1918 года был принят в ряды Коммунистической партии.

Докладная Ленину

Лето 1918 года и в буквальном и в переносном смысле было жарким. На улицах ветер гнал сухую пыль, и к вечеру, если окна кабинета на день не закрывали, она скрипела на бумагах, неприятно липла к пальцам.

Вслед за Восточным фронтом по Волге и Уралу возникли фронты на севере, где контрреволюция была поддержана прямой интервенцией Антанты, на юге, где англичане вскормили Добровольческую армию генерала Деникина; на западных границах, определенных Брестским миром, находились германские армии, готовые использовать для нового наступления любую провокацию; в Прибалтике формировались белогвардейские части. Республика оказалась в огненном кольце контрреволюции.

Сознавая важность дел, выпавших на его долю (председатель Высшей аттестационной комиссии играл немалую роль в формировании командного аппарата армии), Егоров рвался туда, где непосредственно решались события,— в бой. К тому же его раздражала безбрежная коллегиальность, царившая в те дни в военном ведомстве. Не раз и не два в беседах с от-

ветственными работниками он делился своими раздумьями, сомнениями, планами.

Падение Казани поставило всю судьбу революции в зависимость от решения военного вопроса. Лишь ценой больших потерь удалось остановить врага у Свияжска.

14 августа Егоров изложил свое мнение по поводу причин наших неудач и предложения неотложных мер в докладной записке на имя председателя Высшей военной инспекции Н. И. Подвойского¹.

Главной причиной военных неудач Егоров считал: отсутствие единого общего плана боевых операций, недостаточность технической организации и тактической подготовки войск, отсутствие технических средств, нехватку опытных командных кадров.

«Указанные мною выше причины военных неудач,— писал Егоров,— вызывают неотложную со стороны центральной военной власти Советской республики работу для их устранения, параллельно с принятыми мерами морального воздействия на войска агитацией».

В разделе «Общие меры» он предлагал:

«...1. Всю территорию Советской республики объявить на чрезвычайном военно-революционном положении.

2. Для всей Республики образовать «Военно-революционный штаб Оборона социальной революции и Отечества» во главе с товарищем Лениным...»

Следует сказать, что вопрос централизации военного руководства волновал многих. Н. И. Подвойский еще 8 августа обратился с письмом в Наркомвоен,

¹ Этот документ впервые опубликовал в своей статье «Из истории создания Реввоенсовета Республики» полковник запаса А. Попов. См. «Военно-исторический журнал», 1967, № 2.

Высший военный совет и Совнарком, в котором обращал внимание на то, что «до настоящего времени нет органа, объединяющего работу наших штабов и военчастей на нынешних многочисленных фронтах... Как нет у нас базы мысли, иначе Ставки...»¹.

20 августа Егоров суммировал все, что бурно дебатировалось в среде советского военного командования, в специальном докладе на имя В. И. Ленина.

Надо было иметь смелость, ссылаясь на тысячелетний опыт истории, выступить против многих авторитетов с утверждением, что «руководить операциями может лишь одна единая воля. Под влиянием различных и хотя бы даже полезных советов она всегда утратит свою ясность и определенность и руководимые ею органы будут действовать неуверенно. Последовательное осуществление одной и той же мысли, отвечающей данной обстановке, скорее приведет к цели, нежели постоянное составление новых и новых планов; неизбежные в последнем случае противоположные приказы вредно влияют на доверие и силу войск»².

Егоров резко критиковал практику решения оперативных вопросов в Высшем военном совете, где «за и против обосновываются столь сильными и неопровержимыми доводами, что одно мнение уничтожается другим». Это не просто осложняло дело, а начисто лишало высший командный состав инициативы.

Отсутствие единой воли и мысли он видел в том, что не было четкого плана военных действий против

¹ См. А. Попов. Указ. статья. «Военно-исторический журнал», 1967, № 2, стр. 97.

² Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920). Сб. документов. М., 1969, стр. 51.

существующих противников, равно как и связанного с этим плана формирований новых армейских соединений. Даже в пределах одного фронта зачастую усиливались разные участки военных действий, не всегда соответственно их важности. Армия республики фактически была подчинена двум высшим военным инстанциям — Оперативному отделу Наркомвоена и Высшему военному совету. Их распоряжения зачастую противоречили друг другу. Они не согласовывали ни вопросы переброски войск на угрожаемые участки, ни вопросы их снабжения.

«Подобное положение, нетерпимое вообще, — заключал Егоров, — повелительно требует объединения военной мысли, руководящей всеми операциями на фронтах Республики». Для этого он полагал необходимым назначить ответственного перед Советом Народных Комиссаров верховного главнокомандующего, подчинив ему всех главнокомандующих фронтами и руководителей участков завесы, сформировать штаб главкома, в который должны были войти штаб Высшего военного совета и Оперативный отдел Наркомвоена. «Юридическая и фактическая двойственность и неопределенность для войск нынешнего положения нетерпима и повлечет за собой чрезвычайно острые последствия неудач на фронтах, а следовательно, гибель Советской республики и революции. Поэтому необходимо незамедлительное принятие решения для объединения управления боевыми операциями войск и немедленное опубликование его для всеобщего сведения».

Ознакомившись с докладом Егорова, В. И. Ленин распорядился немедленно направить копии с него на рассмотрение ответственных военных работников. На копии председателя Высшего военного совета он сделал приписку: «Подумать об этом. Не назначить

ли Вацетиса верховным главнокомандующим? Ленин»¹.

Егорова поддержали Н. И. Подвойский, С. И. Арапов, М. С. Кедров, К. А. Мехоношин и другие военные деятели.

Соглашаясь с необходимостью создания высшего оперативного органа, они высказывали различные мнения по вопросу о его структуре и функциях, о судьбе Высшего военного совета. Центральный Комитет партии и Совнарком, рассмотрев все поступившие предложения, сочли необходимым создать единый и авторитетный высший орган руководства всеми вооруженными силами — Реввоенсовет Республики.

Командарм 9-й

30 августа 1918 года при выходе с завода Михельсона эсэрка Ф. Каплан стреляла в Ленина. Утром следующего дня А. И. Егоров обратился в Наркомвоен с очередным прошением отпустить его в действующую армию. В сентябре это ходатайство было удовлетворено, и приказом главкома Егорова назначили командующим 9-й армией Южного фронта.

Армия действовала на участке Новохоперск — Камышин против наступавших на Царицын войск генерала Краснова. В момент назначения Егорова белоказакам удалось ценой больших потерь на воронежском направлении овладеть станцией Лиски и на камышинском — перерезать железную дорогу на Балашов.

¹ См. Ю. И. Кораблев. В. И. Ленин и создание Красной Армии. М., 1970, стр. 344.

Одной из основных причин неудач Красной Армии под Царицыном было почти полное отсутствие регулярных частей. «...Мне пришлось начать организацию этой (9-й.— А. Н.) армии, состоявшей из партизанских отрядов Киквидзе, Сиверса, Миронова и др.,— вспоминал Егоров.— Чрезвычайно больших усилий стоило привести все эти партизанские отряды не только к повиновению и подчинению единой воле, но и известным образом придать им вид регулярных войсковых частей»¹.

Прибыв в Балашов, командарм начал с укрепления штабного аппарата.

27 сентября специальной телеграммой он обращается к И. И. Вацетису с просьбой прислать «лиц генштаба», в частности хорошо ему знакомого генерала Н. В. Пневского. В тот же день просит С. И. Аралова сообщить, «имеются ли кандидаты на должность наштарма и оперода», и прислать «ввиду чрезвычайной необходимости иметь в штабе армии на должности начальника разведки лицо определенной политической окраски», коммуниста, отвечающего данному назначению².

В первые же два дня Егоров организует армейский отдел снабжения, прекращая всякие попытки командиров бригад и начальников дивизий решать вопросы довольствия самостоятельно, подбирает кандидатов на заведование политическим, интендантским и артиллерийским отделами.

Как председатель Высшей аттестационной комиссии, Егоров хорошо знал командные кадры республики, вот почему он без колебаний телеграфировал 28 сентября И. И. Гарькавому в Воронеж, в то время

¹ «Исторический архив», 1962, № 1, стр. 203.

² ЦГАСА, ф. 192, оп. 3, д. 56, лл. 1, 2.

помощнику губвоенрука: «Предлагаю вам должность дегенарма (дежурного генерала армии.— А. Н.). В случае согласия захватите тов. Левензона, Гусарова, Лившица, Якира. Кроме того, учтите, конечно, самое небольшое число необходимых сотрудников. Отвечайте незамедлительно. Командарм Егоров»¹.

Столь смело выдвигать на высокие командные должности людей, зачастую не имеющих специальной военной подготовки, мог, конечно, лишь человек, умеющий быстро и точно оценить воинский талант и мастерство другого.

Вообще Егоров широко использовал личное знание людей, свои контакты и связи. Например, бывшего председателя армискома-1, а в сентябрьские дни 1918 года военного комиссара Приволжского военного округа А. Н. Войтова он просит «удовлетворить полностью» приемщиков отдела снабжения 9-й армии, посланных в Нижний Новгород.

За короткое время благодаря настойчивости и энергии командарма 9-я армия превратилась в крупную боеспособную силу. Ее успешные действия на филоновском и себряковском направлениях помогли выстоять защитникам Царицына. Но армия не имела резервов, все части были в бою. Помощи от 8-й армии, которая находилась в процессе становления, ждать не приходилось. Собственными силами сдержать противника 9-я армия не могла и вынуждена была начать отход. Красновцы получили реальную возможность прорваться в центральные районы России. Южный фронт приобрел значение главного фронта республики.

В конце октября Егоров серьезно заболел. Извещение о состоянии дел в армии пришло к нему в гос-

¹ ЦГАСА, ф. 192, оп. 3, д. 56, л. 6.

питаль. Он рвался на фронт, но болезнь приковала к постели почти на два месяца.

Еще больным принял новое назначение — командующим 10-й армией. Этим же приказом бывшему командарму К. Е. Ворошилову предлагалось прибыть в Серпухов в распоряжение главкома. Временным командующим до приезда Егорова был утвержден Н. А. Худяков.

18 декабря пришла телеграмма от Худякова, что он армию принял, но положение критическое, Царицын в опасности. На следующий день Егоров и назначенный членом РВС армии Б. В. Легран выехали на фронт. Вместе с ними отправились: начштаба выпускник Казанского училища 1904 года Л. Л. Клюев, начальник снабжения Мередиш, его помощник, армейские инспекторы и 20 питерских коммунистов. Несмотря на позднее время (поезд отошел в 23 часа), первое совещание провели, собравшись в купе у Егорова.

В боях за Царицын

«С гордостью вступаю в командование вами, доблестные революционные бойцы 10-й Красной армии,— писал Егоров в приказе от 26 декабря.— Я, как бывший ваш сосед справа, командующий 9-й Красной армией, неоднократно был свидетелем ваших беззаветно-лихих действий в боях с кадетскими бандами. В своей геройской борьбе вы доказали, что сыны пролетарской революции умеют с честью защищать ее завоевания»¹.

¹ «Оборона Царицына». Сб. статей и документов. Сталинград, 1937, стр. 349.

Доблесть бойцов 10-й армии отметил и В. И. Ленин в речи по военному вопросу на VIII съезде РКП(б): «...такой героизм трудно найти в истории». И почти тут же повторил: «В истории революционного движения России героизм Царицынской армии займет величайшее место»¹.

Но положение, которое застал новый командующий в армии, было очень сложным. «Общее состояние войск и тыла,— вспоминал позже Егоров,— было чрезвычайно тяжелое, пришлось изыскивать средства и способы для того, чтобы удержать Царицын»².

Партийная организация города в январские дни 1919 года мобилизовала около пяти тысяч человек. Все предприятия, кроме оружейного завода, и все учреждения временно закрывались.

Бои шли в предместьях города. Заводы, улицы, железнодорожные пути непрерывно обстреливались. В районе Сарепты белогвардейцы 19 января стали переходить Волгу по льду. Царицыну грозило полное окружение. Кавалерийская дивизия Б. М. Думенко, которая могла бы преградить дорогу, была переброшена к этому времени под Дубовку, где 12 января три кавалерийских полка противника прорвали фронт севернее города.

14 января эта дивизия отбила Дубовку у белых. Командование 10-й армии поставило перед конниками самостоятельную оперативную задачу: дивизии поручалось прорвать фронт и, совершив глубокий рейд по тылам белых, сорвать их наступление. «Большое значение в оперативном плане, который был намечен мной для разрыва кольца и спасения

¹ Ленинский сборник XXXVII, стр. 138.

² «Исторический архив», 1962, № 1, стр. 203.

А. И. Егоров

Царицына,— подчеркивал Егоров,— принадлежит героической красной коннице»¹.

Рейд начался 22 января. У хутора Прямая Балка красная конница разгромила пять полков кавалерии и полк пехоты противника, прорвалась в Давыдовку и вышла на оперативный простор. Стремительно продвигаясь по тылам белых, она наносила молниеносные удары. В боях 26 и 27 января в районе сел

Большая Ивановка, Лозное-Садки было разгромлено еще четыре полка вражеской кавалерии и шесть полков пехоты. Общее число пленных превышало семь тысяч человек.

28 января Егоров прибыл в Дубовку для встречи с Буденным, сменившим тяжело заболевшего начальника Думенко. Считая необходимым как можно полнее использовать своеобразный шок, охвативший противника, командарм разработал план дальнейшего наступления конницы.

¹ «Исторический архив», 1962, № 1, стр. 203.

После рейда нашей конницы в тыл противника для 10-й армии явилась полная возможность начать общее наступление. Войска армии, перешедшие в наступление 16 февраля, вышли во второй половине марта за реку Маныч. В ночь на 18 марта Особая кавдивизия заняла станицу Платовскую, а затем и Великокняжескую.

В телеграмме на имя А. И. Егорова от 4 апреля 1919 года Ленин писал: «Передайте мой привет герою 10 армии товарищу Думенко и его отважной кавалерии, покрывшей себя славой при освобождении Великокняжеской от цепей контрреволюции. Уверен, что подавление красновских и деникинских контрреволюционеров будет доведено до конца.

Предсовнаркома Ленин»¹.

Успех зимней кампании против донского белоказачества развить не удалось из-за того, что с середины марта измотанным непрерывными боями войскам Южного фронта пришлось иметь дело с вновь сформированной Добровольческой армией генерала Деникина, пришедшей на помощь белоказакам.

Выступление Деникина совпало с успешным продвижением колчаковских войск от Уфы к Средней Волге и наступлением Юденича на Петроград. Пользуясь тем, что главные силы Красной Армии были оттянуты на другие фронты и спровоцировав восстание казаков в тылу Южного фронта, в районе станиц Вешенская и Кавказская, деникинцы добились крупных успехов.

20 мая Егоров телеграфирует В. И. Ленину, что армия, против центра и левого фланга которой противник сгруппировал два кавалерийских корпуса, вынуждена отойти на линию реки Сал. Одной из при-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 274.

чин отступления он считал пассивность соседней — 11-й армии. Для сохранения общей стратегической обстановки командарм-10 предлагал немедленно выдвинуть части к намеченной ей разграничительной линии и укрепить левый фланг 10-й не менее чем двумя боеспособными дивизиями.

Ознакомившись с донесением Егорова, В. И. Ленин в тот же вечер переправил телеграмму в Наркомвоен Э. М. Склянскому с резолюцией: «Нужны экстренные меры».

В конце мая 1919 года в районе хутора Плетнев произошел бой, от исхода которого во многом зависела участь 10-й армии. В течение дня 25 мая белоказаки трижды пытались захватить плацдарм на северном берегу реки Сал, но каждый раз терпели неудачу. Своевременно разгадав план противника, Егоров сосредоточил в нужном месте основные силы конного корпуса Буденного для решающего удара. Командарм лично возглавил ударную группировку. За этот бой он был награжден орденом Красного Знамени.

В приказе РВС Республики говорилось: «Награждается орденом Красного Знамени командующий 10-й армии тов. Александр Ильич Егоров за ниже следующее отличие:

Противник, поставив целью прорвать фронт 10-й армии у Плетнева, стремился все время, обходя фланги, разъединить силы армии на две части, чтобы захватить Котельниково, покончить с каждой частью отдельно. Тов. Егоров, твердо решив не дать противнику выполнить этот план и тем самым спасти оставшиеся части, лично принял командование над частями 4-й и 6-й кавалерийских дивизий и бросился с ними в атаку на неприятеля. Несмотря на отчаянное сопротивление врага, особенно его пехот-

ных частей, тов. Егоров стремительным натиском смял его и отбросил на южный берег реки Сал. В результате этой лихой атаки вся неприятельская пехота, находившаяся на северном берегу, около 2—3 полков, осталась в наших руках и была частью взята в плен, а частью изрублена. В наших руках остались богатые трофеи в виде орудий и пулеметов. Тов. Егоров в одной из атак был ранен, но, невзирая на довольно тяжелое сквозное пулевое ранение надключичной области с значительным кровоизлиянием, не оставил поля сражения, пока не прибыл вызванный им заместитель.

Заместитель председателя Революционного
Военного Совета Республики
Э. Скланский

Главкомандующий всеми вооруженными силами
Республики
С. Каменев

Член Революционного Военного совета Республики
С. Гусев»¹

Пролежав несколько недель в госпитале, А. И. Егоров снова возвращается на Южный фронт. 9 июля он назначен помощником командующего и членом РВС фронта и одновременно командующим 14-й армией.

«Войска Южного фронта повсеместно отходили,— вспоминал он о тех днях,— 14-я армия, прикрывавшая сначала Киев, а затем Брянск, сдерживает напор и, медленно отходя, подготавливает контрудар... Наши части расстроены, численно ослаблены. Общее поло-

¹ «Исторический архив», 1962, № 1, стр. 204—205.

жение весьма тяжелое. Советская республика об-
является в угрожающем положении»¹.

Проходивший 21, 26 сентября 1919 года пленум ЦК РКП(б) принимает решение: укрепить Южный фронт за счет переброски сюда дополнительных резервов, направить туда лучшие партийные и командные кадры, выдвинуть в район Тулы (где на главном направлении наступали отборные части деникинской армии) крупные силы для прикрытия Москвы.

По указанию ЦК партии Реввоенсовет Республики 27 сентября принимает решение о разделении Южного фронта на два самостоятельных: Южный и Юго-Восточный².

Командующим войсками Южного фронта в первых числах октября Реввоенсовет утвердил А. И. Егорова, Юго-Восточного — В. И. Шорина.

Командюж

Подготовка к контрнаступлению была связана с большими трудностями. Противник прочно удерживал инициативу. 13 октября деникинцы захватили Орел. Армии фронта вели тяжелые бои.

Из перебросенных с Западного фронта Латышской стрелковой дивизии, стрелковой бригады под командованием П. А. Павлова, кавалерийской бригады червонного казачества под командованием В. М. Примакова и других частей РВС фронта созда-

¹ «Исторический архив», 1962, № 1, стр. 203.

² В состав Южного фронта вошли 8, 13 и 14-я армии, с 17 октября еще и 12-я; Юго-Восточного — 9-я и 10-я армии, а с 12 октября и 11-я армия с Волжско-Каспийской флотилией.

ет специальную ударную группу под общим командованием начальника Латышской стрелковой дивизии А. А. Мартусевича. Как вспоминал А. И. Егоров, заслуга переброски этих соединений на Южный фронт принадлежала Ленину. Так, именно им «был поставлен на заседании Центрального Комитета партии этот вопрос и именно по докладу Владимира Ильича было постановлено осуществить указанную переброску», что «является лишним штрихом,— подчеркивал он,— подтверждающим громадную роль и влияние т. Ленина на весь ход гражданской войны»¹.

В многодневном сражении под Орлом и Кромами части 13-й и 14-й армий и ударной группы разгромили офицерский корпус Кутепова и сорвали наступление Деникина.

Одновременно вторая ударная группировка северо-восточнее Воронежа под общим командованием С. М. Буденного перешла в наступление на воронежском участке. Вечером 25 октября реввоенсовет Южного фронта телеграфировал В. И. Ленину: «Созданные долгими усилиями Антанты и Деникина конные корпуса Шкуро и Мамонтова как единственный оплот контрреволюции разбиты наголову в боях под Воронежем красным конным корпусом Буденного. Воронеж взят красными героями... Преследование разбитого противника продолжается. Ореол непобедимости, созданный вокруг имени генералов Мамонтова и Шкуро, доблестью красных героев конкорпуса Буденного низвержен в прах. Реввоенсовет Южного фронта. Сталин, Егоров»².

Эти победы дали возможность перейти к осуществлению главной задачи стратегического плана —

¹ А. И. Егоров. Разгром Деникина. 1919. М., 1931, стр. 148.

² ЦГАОР, ф. 130, оп. 3, д. 558, л. 18—19.

расчленению армий Деникина и разгрому их по частям путем стремительного продвижения через Донбасс на Ростов. План перехода советских войск в контрнаступление отражал характерные особенности складывающегося военного искусства Красной Армии: активность и решительность, нанесение ударов сосредоточенными силами на важнейших направлениях во фланг и тыл противника, широкое применение маневра. «Метод живого, постоянного руководства высшего командования, частое личное общение с подчиненными при своевременной постановке задач войскам,— указывал Егоров,— не могли не способствовать успеху»¹.

12 декабря войска Южного фронта освободили Харьков, 16 декабря — Киев. Совместно с восставшими в тылу белогвардейцев рабочими к началу января 1920-го очистили от деникинцев весь Донбасс, и 10 января 1-я Конная освободила Ростов-на-Дону. Так был завершен разгром основных сил Деникина. Остатки его армий тремя изолированными друг от друга группировками отходили на Северный Кавказ, в Крым и Одессу.

«...Мы с гордостью и восхищением,— писал А. И. Егоров,— оглядываемся на путь, пройденный бойцами армий Южного фронта. В условиях напряженной борьбы, неслыханно тяжелых боевых испытаний, терпя голод и холод, армии в полном сознании своего долга перед пролетарской революцией шли в бой, терпели поражения и одерживали победы, пока не нанесли окончательного удара войскам контрреволюции»².

¹ А. И. Егоров. Разгром Деникина, стр. 225.

² Там же, стр. 255.

Командующий Юго-Западным фронтом А. И. Егоров.

10 января 1920 года на базе Южного фронта был создан Юго-Западный (в составе 12, 13 и 14-й армий) под командованием А. И. Егорова.

Главком ставил перед фронтом следующие задачи: окончательную ликвидацию денikinских частей на Правобережной Украине, наступление особой группой войск на Крымский полуостров, прикрытие Киевского района от возможного наступления поляков и охрану побережья Азовского моря.

Выполняя эти задачи, части фронта в феврале освободили Одессу. Но, так и не сумев сломить ожесточенного сопротивления крымской группировки белогвардейцев к началу наступления белополяков, в апреле 1920 года войска Юго-Западного фронта оказались в трудном положении. Почти пятикратное превосходство врага в силах и чрезмерная растянутость армий (12-я — более чем на 300-километровом участке, 14-я — на 200) предопределили первоначальный успех польского наступления на Украине. Положение осложнялось еще и тем, что в тылу советских частей активно действовали петлюровские и махновские банды.

Штаб фронта находился в Харькове. Сюда почти каждый час поступали сводки от отходящих с боями частей 14-й армии. Между 12-й и 14-й армиями образовался разрыв. Резервов комфронта не имел, и Егоров принимает решение: отвести 12-ю армию за Днепр.

6 мая был оставлен Киев.

Сдерживая противника на промежуточных рубежах и ведя тяжелые оборонительные бои, 12-я и 14-я армии вынудили польское командование растянуть

В штабе Юго-Западного фронта. Сидят (слева направо): главком С. С. Каменев, член Реввоенсовета Республики С. И. Гусев, А. И. Егоров, член Реввоенсовета 1-й Конной армии К. Е. Ворошилов. Стоят: начальник Полевого штаба Реввоенсовета Республики П. П. Лебедев, начальник штаба Юго-Западного фронта Н. Н. Петин, командующий 1-й Конной армией С. М. Буденный, начальник оперативного отдела Полевого штаба РВС Республики Б. М. Шапошников

силы на огромном фронте. Лишь небольшие группировки польских войск оставались в районе Киева и на одесском направлении.

14 мая началось наступление советских армий Западного фронта. Оно заставило белополяков перебросить с Украины в Белоруссию значительную часть своих войск. Натиск противника в районе Юго-Западного фронта заметно ослаб. Фронт стабилизировался. Стратегическая цель белопольского наступ-

ления — разгром советских армий Юго-Западного фронта — не была достигнута.

27 мая из Москвы прибыл назначенный членом РВС фронта И. В. Сталин. Вторым членом РВС был Р. И. Берзин, член партии с 1905 года. Начальником тыла фронта с 29 мая стал Ф. Э. Дзержинский.

12—15 мая в Харькове состоялось совещание командования фронтом с участием главкома. Было решено прорыв польского фронта поручить 1-й Конной армии, перебрасываемой с Северного Кавказа. Первоначально основные усилия направлялись против киевской, а затем против одесской группировок противника.

5 июня 1-я Конная при поддержке 12-й и 14-й армий прорвала фронт противника, освободив на третий день боев Житомир и Бердичев. Выйдя к 19 июня на линию Житомир, Бердичев, Казатин, армии фронта развернули широкое контрнаступление, поддержанное войсками левого крыла Западного фронта.

Одновременно в результате ожесточенных встречных боев, продолжавшихся на юге до конца августа, на левом берегу Днепра возник Каховский плацдарм, с которого войска Южного фронта (воссозданного в сентябре на базе частей Юго-Западного) позже начнут под командованием М. В. Фрунзе операцию по полному разгрому засевшей в Крыму врангелевской группировки.

В первой половине августа 1920 года Красная Армия приближалась к Варшаве и Львову. Однако нарушение взаимодействия Западного и Юго-Западного фронтов не дало командованию возможности произвести необходимую перегруппировку сил и средств и обрекло общее наступление на неудачу.

Как бы то ни было, с 16 августа инициатива перешла к противнику. Лишь к 25 августа 1920 года

Красная Армия остановила продвижение польских войск на линии Липск — Кузница — Свислочь — Беловеж — восточнее Брест-Литовска и далее по Западному Бугу. На фронте установилось временное затишье.

Убедившись, что война может принять затяжной характер, и опасаясь революционного движения в своем тылу, польское правительство пошло на мирные переговоры.

12 октября 1920 года в Риге был подписан договор о перемирии и предварительных условиях мира с Польшей.

Разгром петлюровских банд

В первые же дни после подписания договора на Правобережной Украине активизируются различные банды. «Все эти банды,— отмечали А. И. Егоров и Р. И. Берзин,— за некоторым исключением, петлюровской ориентации, руководят ими опытные петлюровские офицеры. По имеющимся у нас сведениям, действия банд на Правобережье (координирует) петлюровский центр во главе с командующим петлюровской украинской армией... Все банды действуют по определенному плану, имеют тесную связь с петлюровскими частями на польском фронте»¹. Стало ясно, что петлюровские и другие бандитские отряды предназначены для продолжения борьбы с Советской республикой. Именно на них возлагалась главная в

¹ ЦГАСА, ф. 33988, оп. 2, д. 284, л. 203. Здесь и далее слова в скобках вставлены по смыслу.— А. Н.

тот момент задача отвлечь на себя части Красной Армии, оказав тем самым содействие войскам Врангеля, запертым в Крыму.

Командование Юго-Западного фронта предприняло все необходимое для успешного разгрома петлюровских банд.

В приказе от 31 октября реввоенсовет фронта отмечал: «В тяжелой трехлетней борьбе героическая Красная Армия постепенно ликвидировала боевые фронты, кольцом сжимавшие территорию Советских Республик. Успешно идет ликвидация и врангелевского фронта. Однако с ликвидацией польского фронта не кончаются для нас боевые задачи на Западе. Антанта по своей капиталистической природе не может допустить существования Советской власти и вместо польской армии выбрасывает за линию государственной границы с Польшей в пределы нашей территории группы, отряды и прочие банды различных антисоветских формаций. Мы не можем допустить присутствия и тем более упрочения и развития этих антисоветских банд на территории рабочих и крестьянских Республик и наша задача покончить с ними безотлагательно и навсегда»¹.

В тот же день А. И. Егоров указал командармам-12 и-14: «Считать положение на Югозапфронте по-прежнему требующим неустанной работы и энергии по всемерному усилению боеспособности частей»².

К предстоящим боям с петлюровцами готовились тщательно и всесторонне, хотя многие считали это излишним. Чтобы разъяснить ошибочность такой оценки противника, начальник штаба фронта Н. Н. Петин 8 ноября разослал специальную дирек-

¹ ЦГАСА, ф. 33988, оп. 2, д. 284, л. 203;

² Там же, л. 195.

тиву армейским штабам, в которой подчеркнул, что «предстоящая борьба чисто гражданского классового характера» потребует особой точности, твердости и своевременности в исполнении любых приказов фронтового и армейского командования. Кроме того, предлагалось принять «самые исчерпывающие меры по сохранению в секретности оперативных распоряжений, т. к. безусловно агенты противника рассеяны по всей правобережной Украине»¹.

1 ноября Реввоенсовет Республики потребовал от главкома «всяческими мерами облегчить Юго-Западному фронту предстоящую ликвидацию Петлюры». Указывалось также и на то, что, «может быть, следовало бы передать Юго-Западному фронту и часть поступающего с Западного фронта командного и комиссарского состава»².

По распоряжению главкома начальник Полевого штаба Реввоенсовета Республики П. П. Лебедев 1 ноября телеграфировал командующему Южным фронтом, что 50% из следующего с Западного фронта командного состава и политработников необходимо направлять на Юго-Западный, а 12-ю стрелковую дивизию отправить в район, указанный А. Н. Егоровым³. Одновременно в Полевой штаб был вызван командующий Западным фронтом М. Н. Тухачевский, которому ставилась задача «предпринять решительные действия своей 16-й армией против Балаховича и Савинкова»⁴.

Петлюровцы имели девять пехотных украинских дивизий, две кавалерийские дивизии и вместе с ча-

¹ ЦГАСА, ф. 33988, оп. 2, д. 284, л. 252—252 об.

² ЦГАСА, ф. 33988, оп. 2, д. 294, л. 201.

³ Там же, л. 204—205.

⁴ Там же, л. 240 об.

стями 3-й армии Врангеля, действовавшими на участке Юго-Западного фронта, численно превосходили советские войска.

Ночью 4 ноября Егоров, Аралов и Петин подписали директиву войскам фронта. Командарму-14 предлагалось в кратчайший срок сосредоточить на своем левом фланге ударную группу в составе не менее трех наиболее сильных стрелковых дивизий и кавкорпуса В. М. Примакова и нанести ими не позднее 10 ноября опережающий удар противнику. 12-й армии предстояло обеспечить устойчивость правого фланга 14-й.

Главком поддержал идею внезапного удара, отдав распоряжение командованию Южного фронта подтягивать 55-ю дивизию к северу.

9 ноября Егоров обратился к красноармейцам и командирам со следующим приказом: «Армии Южфронта овладели Перекопским валом и, захватив Армянский Базар, на плечах противника продолжают вести наступление в глубь Крыма. Общая обстановка требует самых решительных успехов и на фронте 14-й и 12-й армий, приступающих завтра, 10 ноября, к выполнению возложенных боевых задач. Уверен, что доблестные армии оправдают возложенные на них надежды и в кратчайший срок очистят нейтральную зону между нашим и польским фронтами от всех антисоветских групп»¹.

10 ноября главком подписал директиву о начале наступления Западного и Юго-Западного фронтов против банд Петлюры, Савинкова и Булак-Балаховича. Копии ее были посланы в Наркоминдел Г. В. Чичерину и в Минск советскому представителю в согласительной комиссии. Военные действия,— от-

¹ ЦГАСА, ф. 33988, оп. 2, д. 294, л. 201.

мечалось в директиве,— вызваны тем, что «в нейтральной зоне, согласно договору, должно быть наше административное управление и имея в виду, что польское командование отказалось от ответственности за войска Булак-Балаховича и другие антисоветские отряды, действующие в нейтральной зоне».

В директиву главкома были включены указания, отданные за несколько часов до этого А. И. Егоровым о преследовании банд до польских расположений.

Начав наступление 10 ноября, 14-я армия в двухдневном бою разбила правый фланг петлюровских войск. Однако 14 ноября петлюровцы перешли в контрнаступление вдоль железной дороги Проскуров — Жмеринка, пытаясь в свою очередь отеснить главные силы ударной группы к Днестру. В ожесточенном бою 15 ноября (в этот день советские войска вступили в Севастополь) петлюровские дивизии были разбиты. Часть петлюровцев и остатки 3-й армии Врангеля отошли за реку Збруч, где были разоружены польскими войсками.

В разговоре по прямому проводу главком Каменев поздравил Егорова с блестящим выполнением задачи.

— Благодарим и взаимно приветствуем вас. Считаем,— шутливо ответил Егоров,— что после окончания этой последней расправы с Петлюрой, получим заслуженный отдых, чтобы полечить раны и нервы, так как на новую работу при новой обстановке нужны и новые силы и энергия.

— Нет,— откликнулся Каменев,— этот номер не пройдет. Придется работать до последнего... Жму ваши руки, до скорого свидания¹.

¹ ЦГАСА, ф. 33988, оп. 2, д. 294, л. 332—333.

Учитывая заслуги А. И. Егорова в достижении побед над Деникиным, белополяками, Врангелем и петлюровцами, Президиум ВЦИК 17 февраля 1921 года наградил его Почетным революционным оружием¹.

В характеристике Реввоенсовета Юго-Западного фронта, подписанной С. И. Араловым, Р. И. Берзиным и Н. Н. Петиним, подчеркивалось: «Колоссальные результаты творческой деятельности т. Егорова недрятся в завидных качествах его личности как полководца». К ним они относили: «Первое, способность правильной оценки стратегического положения сторон, ясность и всегда смелость в постановке основной задачи при неукротимой волевой работе в процессе достижения ее успеха. Второе, искусное использование всех видов техники как результат внимательного изучения и ясного понимания ее роли в военном деле. Третье, детальное знакомство и беспрерывное наблюдение за прогрессом военной мысли, ее теории. Четвертое, широкая творческая инициатива, выразившаяся в идее (и ее осуществлении) использования в достижении стратегических задач принципа единого управляемого маневренного удара масс конницы, как довлеющего фактора успеха в гражданской войне (армия Буденного)»².

¹ Это постановление было принято во изменение решения Президиума ВЦИК от 13 января 1921 года о награждении А. И. Егорова орденом Красного Знамени, ибо таковой был вручен ему ранее, в июле 1919 года (ЦГАОР, ф. 1235, оп. 38, д. 11, л. 21; д. 1, л. 23).

² «Исторический архив», 1962, № 1, стр. 206.

В МИРНЫЕ ДНИ

И снова бой

Только когда армии Юго-Западного фронта завершили разгром петлюровцев и 3-й врангелевской армии генерала Перемыкина, врачам удалось уложить командующего в постель. Заболел же он в начале ноября. Еще 9 числа в разговоре с главкомом Петин обмолвился, что Егоров чувствует себя плохо. Вот почему на следующий день, вызвав Киев, Каменев в первую очередь запросил:

— Что с Александром Ильичем?

— Александр Ильич,— ответил начштаба фронта,— почувствовал себя очень скверно вчера вечером. Сегодня ввиду повышенной температуры остался дома. Вечером собирается выйти.

После паузы Петин добавил:

— Штаб разместился в Киеве довольно хорошо, но в помещениях холодно. Не хватает топлива.

Начальник штаба не жаловался, он просто констатировал факт: топлива нет, транспорт работает с перебоями, не хватает продовольствия, обмундирования, оружия. Киевляне мрачно шутили: вопрос топливный, вопрос продовольственный, вопрос транспортный и ни одного ответа.

Вечером 10 ноября, требовательный к себе, равно как и к окружающим, командующий фронтом появился в штабе, и никто, зная его характер, не посмел настаивать на том, чтобы он отлежался дома.

Впрочем, и тогда, когда все самое трудное было уже позади, Егоров, зябко кутаясь в шинель, не ухо-

дил из штаба ни днем, ни ночью, лишь на несколько минут в сутки устраиваясь поспать в маленькой комнате рядом с аппаратной.

До и после завершения операции против Петлюры он просидел дома всего два дня. Вскоре в Киев приехали Сергей Сергеевич Каменев и только что назначенный командующим войсками Украины и Крыма Михаил Васильевич Фрунзе. Здесь же, на совещании, Егоров узнал, что ему поручено командовать Киевским военным округом с непосредственным подчинением Фрунзе.

О новом командующем Егоров слышал много. В 1919-м, в разгар наступления на Восточном фронте против Колчака, действия Южной группы под командованием Фрунзе привлекли внимание многих военспецов. Они уже тогда поняли, что этот удивительный человек, не получивший специального военного образования, соединил в себе непреклонность и храбрость бойца, спокойную рассудительность и такт военачальника, стратега и полководца и чувство уважения к человеку. О нем рассказывали легенды. Шутка сказать — два смертных приговора, восемь лет кандалной каторги, бегство из ссылки, организация большевистских ячеек в те дни, когда это грозило смертью. И совсем недавнее — прорыв Перекопа и разгром Врангеля, свидетелем чего был сам Егоров.

Приняв округ, Егоров по указанию Фрунзе основное внимание уделил укреплению линий обороны в районе Киева. Положение все еще оставалось напряженным. 23 ноября 1920 года не исполнил приказа о расформировании так называемой «революционно-повстанческой армии Украины» Нестор Махно, короткое время после сентябрьского соглашения действовавший совместно с советскими войсками против

Врангеля. 25 ноября началась ликвидация махновщины.

В телеграмме командующим 12-й и 14-й армиями Егоров подчеркнул, что основной их задачей является «борьба с бандитизмом, установление полного порядка политической и экономической жизни в районе Правобережной Украины и обеспечения нормального функционирования всех органов Советской власти»¹. Он снова нацеливал их на бой. Трудный, изнурительно тяжелый бой не только с махновцами, но и с голодом, холодом и разрухой. «Главнейшими задачами армиям фронта,— указывал Егоров,— ставятся: в области экономической — охрана сахарных заводов, обеспечение производства сахара, погрузка и вывоз его; заготовка дров и прочих лесоматериалов, погрузка и вывоз таковых; обеспечение всех видов продовольственных заготовок согласно государственной разверстке»².

Для охраны сахарного производства в район Бобринская — Знаменка — Звенигородка были направлены 73-я бригада 25-стрелковой дивизии и части 11-й дивизии внутренней службы. В Киев прибыли первые эшелоны с топливом, заготовленным красноармейцами. На железнодорожных станциях, где пассажиры брали поезда с бою, наводили порядок специальные патрули.

Много энергии А. И. Егоров отдал созданию Киевского укрепленного района и формированию бригады для него.

Стремясь поднять боеспособность армейских соединений, Егоров много внимания уделял вопросам обучения, индивидуальной подготовке красноармей-

¹ ЦГАСА, ф. 33988, оп. 2, д. 316, л. 330.

² Там же.

цев. В том же приказе, определявшем политические и экономические задачи армии, он требовал: «При распределении сил принять как основание, что, выполняя двумя третями состава каждой дивизии указанные выше задачи, одна треть состава должна быть в постоянном обучении»¹. Это обучение носило не только военный характер. Создавались школы грамоты, политехучебы. Началась, как говорил В. И. Ленин, «военная кампания против остатков косности, темноты и недоверия»².

1921 год

Начало года ознаменовалось большим и важным для А. И. Егорова событием. На 4-й Киевской губернской партийной конференции он был избран делегатом на X съезд партии.

Во вступительной речи при открытии съезда В. И. Ленин отметил: «...мы в первый раз собираемся на съезд при таких условиях, когда вражеских войск, поддерживаемых капиталистами и империалистами всего мира, на территории Советской республики нет»³.

Страна была разорена войнами. Острый недостаток промышленных товаров, продовольствия и топлива, недовольство крестьянства подразверсткой вызвали ряд мятежей. Наиболее крупным из них был кронштадтский.

¹ ЦГАСА, ф. 33988, оп. 2, д. 316, л. 380.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 147.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 4.

А. И. Егоров и Р. И. Берзин среди делегатов 4-й Киевской губернской партийной конференции. Февраль 1921 г.

Съезд по предложению В. И. Ленина выделил делегатов, имевших боевой опыт, для участия в подавлении мятежа. В их числе был назван и Александр Ильич Егоров. Обсуждая список, Киевская организация решила, что в Кронштадт поедет один С. П. Синяков. На съезде предстояли серьезные дискуссии по вопросам, связанным с ролью и задачами профессиональных союзов, о единстве партии и анархо-синдикалистском уклоне, специальное обсуждение проблем обеспечения обороноспособности страны. По всем этим и другим вопросам, где проводилось поименное голосование, Егоров А. И. — мандат номер 597 — голосовал за ленинские резолюции.

В развернутом постановлении по военному вопросу X съезд РКП(б) записал, что «на ближайший период основой наших вооруженных сил должна являться нынешняя Красная Армия, по возможности

сокращенная за счет старших возрастов, с повышенным пролетарским и коммунистическим составом»¹.

Особую заботу X съезд РКП(б) проявил о командном составе, как важнейшем звене усиления и укрепления боевой мощи, предложив тщательно изучить политические и деловые качества всех армейских и флотских командиров.

Во время совещания военных представителей украинской делегации с Михаилом Васильевичем Фрунзе, который был избран на съезде членом ЦК, Егоров узнал о своем новом назначении — командующим Петроградским военным округом.

17 апреля, вступая в новую должность, он обратился к бойцам, командирам и комиссарам частей округа:

«С ликвидацией внешних фронтов, после трехлетнего командования красными героями на юге и юго-западе нашего социалистического отечества, решением Реввоенсовета Республики, я назначен командующим войсками Петроградского военного округа и 7-й армией. Зная стойкость бойцов Красного Питера, еще раз доказавших свое лихое геройство при подавлении... кронштадтского мятежа, верю и убежден, что все вы от рядового бойца до высшего командира впредь останетесь такими же сплоченными революционным сознанием и дисциплиной борцами за идеалы освобождения трудящихся, памятуя, что на вашу долю выпала великая честь — право защиты колыбели и цитадели революции — Красного Питера.

Комвойск ПВО и 7-й армии
генштаба Егоров»².

¹ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. 2. М., 1970, стр. 264.

² ЦГАСА, ф. 25888, оп. 4, д. 256, л. 172.

Кронштадтские события заставили нового командующего округом с первых же шагов обратить внимание прежде всего на состояние партийно-политической работы в частях. Вместе с Петром Ильичем Павловским, а затем Василием Гавриловичем Володиным, возглавлявшими в разное время политическое управление округа, Егоров проводит реорганизацию политико-просветительного отделения Петроградского укрепленного района в политотдел. Для координации всей партийно-просветительной работы в войсках округа, выведенных на летний период в лагерь, было разработано «Положение о политотделе лагерного сбора». На этот политотдел возлагалось руководство деятельностью комиссаров и политработников, коллективов РКП(б) и политико-просветительных организаций, укрепление в частях и учреждениях сознательной дисциплины и политвоспитание личного состава. Для работы в политотделы откомандировывали наиболее опытных и способных людей.

Чтобы обеспечить выпуск добротной агитационно-пропагандистской и политико-просветительной литературы, учебных пособий и прочих изданий, в округе был создан редакционный совет как структурная часть Высшего редакционного совета Отдела военной литературы Егоров, как член Военно-редакционного совета возглавил окружной совет.

Предельная собранность и четкость отличали командующего округом. Этого он требовал и от тех, с кем работал. Одно из его распоряжений гласило: «Для согласования всей военной работы округа и для достижения вытекающего из этого успеха считаю необходимым точно определить для моих помощников и начальника штаба следующий порядок работы:

1. Все директивные указания и принципиальные решения отдаются исключительно мной.

2. Моим помощникам предоставляю право давать соответствующие их кругу деятельности указания в развитие моих директив, проявляя необходимую инициативу в пределах поставленных им задач.

3. Вся техническая работа сосредоточивается в ведении начальника штаба, а потому ни одно распоряжение моих помощников в развитие даваемых мною указаний не должно миновать начальника штаба, который проводит их в жизнь через штаб округа»¹.

Вместе со своими помощниками — В. Джикия, Л. Александровым, В. Георгадзе и начальником штаба А. Окуновым, которого пригласил на эту должность с поста помощника начальника штаба Киевского округа, — Егоров определяет первоочередные задачи, требующие безотлагательного решения. К ним относились: проведение демобилизации красноармейцев 1890—1895 годов рождения; формирование в порядке опыта, исходя из решения X съезда РКП(б) и указаний Штаба РККА, одной территориальной стрелковой дивизии в пределах округа; укрепление пограничных районов.

Стремясь провести демобилизацию в сжатые сроки, Егоров требовал от всех начальников частей и учреждений, от всех командиров округа, от младшего до старшего, проникнуться сознанием важности данного дела и проявить полную инициативу и энергию в работе.

Для подготовки к формированию территориальной дивизии он отдает распоряжение организовать занятия с командно-инструкторским составом, а окружным довольствующим управлениям указывает на необходимость принять соответствующие меры к

¹ ЦГАСА, ф. 25888, оп. 4, д. 253, л. 1450.

снабжению тердивизии всем положенным по штату имуществом.

Учитывая специфику работы в пограничной полосе, А. И. Егоров формирует специальные управления погранвойск — одно для эстона-латвийской границы, другое для финской. Многое предпринималось для увеличения объема строительных работ в Мурманском укрепрайоне; в частности, туда были переданы дорожно-мостовая и саперные роты, наиболее укомплектованные и снабженные. Вместе с тем, для того чтобы увеличить участки пахотной земли у населения пограничных волостей, Егоров создает специальную комиссию по выяснению такой возможности в Псковском, Островском, Опочецком уездах.

12 мая был проведен смотр войск петроградского гарнизона. Из-за отсутствия сапог часть красноармейцев и даже целые школы на плац не вышли. Конский состав был признан наполовину неудовлетворительным. В остальных соединениях округа дело обстоит еще хуже, чем в Петрограде. В 611-м стрелковом полку 204-й отдельной бригады началась цинга.

Командование делало все возможное для обеспечения красноармейцев обмундированием и продовольствием. Когда из-за неурожая и отсутствия хлебных запасов пришлось сокращать норму выдачи хлеба, Егоров сократил ее до $\frac{1}{2}$ фунта в сутки служащим штабов, управлений, учреждений и заведений в Петрограде и пятидесятиверстной полосе губернии. Красноармейцам хлебный паек был оставлен прежний. Для улучшения снабжения частей Егоров первым среди командующих начинает создавать армейские кооперативные объединения по обработке выделенных им земельных участков.

Но особое внимание все же уделялось учебной

подготовке. «Занятия,— указывал Егоров,— должны иметь вполне практический характер и все обучение вестись в духе активности, всемерно развивая в войсках стремление к действиям наступательного характера и к проявлению энергии и инициативы со стороны всех начальников»¹.

Зная, какую громадную роль играла конница в гражданской войне, он писал: «Кавалерийская часть в конном строю обладает могучим средством для поражения врага атакой, успех которой прежде всего зависит от решимости бесповоротно довести ее до конца. Поэтому идея наступления и бесповоротное стремление вперед должны в особенности преобладать во всех занятиях в коннице, вселяя и развивая в людях убеждение в могуществе и неотразимости лихой кавалерийской атаки»².

Вместе с тем уже тогда Егоров стремился к созданию воинских соединений, по возможности базирующихся на современной технике.

Подводя итоги работе, проделанной им в Петроградском военном округе, Егоров 3 сентября 1921 года, обращаясь к войскам, писал: «За трехлетнюю гражданскую войну все наши военные аппараты, строившиеся зачастую под огнем и наспех, нуждались в приведении их в стройный вид, что вами под моим руководством и сделано. Ваши усилия были направлены мною на боевую подготовку и на постановку военного и политического обучения на должную высоту»³.

Это был его последний приказ по округу. Получив назначение на пост командующего Западным фронтом, он выехал в Смоленск. Однако и здесь Егоров

¹ ЦГАСА, ф. 25888, оп. 4, д. 263, л. 540.

² Там же, л. 541.

³ Там же, д. 257, л. 437.

пробыл недолго. Зимой 1922 года ему снова пришлось собираться в дорогу. На сей раз туда, где когда-то начиналась его военная служба,— в Тифлис, командуя Отдельной Кавказской армией.

Тяжелый 1921 год — год кронштадтского мятежа, ликвидации небывалого даже по масштабам того времени бандитизма на Тамбовщине, в Сибири, на Кавказе, Закавказье, на Украине, год напряженного труда по демобилизации и сокращению армии, обновлению комадного состава, год непрерывной учебы — остался позади. Егоров имел право гордиться проделанной работой — незаметной, будничной, без каких-то героических эпизодов, но требующей величайшего напряжения и чрезвычайной четкости.

Кавказская Краснознаменная

Среди встречавших на Тифлисском вокзале были временно исполняющий обязанности командующего начальник штаба армии Семен Андреевич Пугачев, начальники отделов и управлений. Пока Пугачев представлял собравшихся, Егоров старался не только запомнить их фамилии, но и составить о них какое-то впечатление, пусть беглое и поверхностное.

Дела начал принимать в тот же день. Он знал: армия в основном состоит из частей и соединений бывшей 11-й; кроме того, каждая из закавказских республик на основании договоров о военно-экономическом союзе с РСФСР передала ей свои вооруженные силы, переформированные в отдельные бригады.

Егорову впервые приходилось командовать армией, где столь значительны были национальные ча-

сти. Летом 1922 года национальные бригады переформируются в Азербайджанскую, Армянскую и Грузинскую стрелковые дивизии. Он неоднократно требует от всех «чуткого подхода, внимательного отношения к особенностям быта... религиозным чувствам...»¹. По его настоянию в специальном циркулярном письме «Всем комиссарам и командирам дивизий, военкомам армейских управлений, командирам и комиссарам полков и всему ответственному командному и политическому составу Отдельной Кавказской армии» было указано: «Командирам и комиссарам необходимо помнить, что поддержание авторитета начальника достигается не только путем строгого обращения с подчиненными, но и знанием своего дела, умением работать, учить и воспитывать красноармейцев»².

Большую помощь ему оказали Григорий Константинович Орджоникидзе, Александр Федорович Мясников (Мясникян), Шалва Зурабович Элиава — члены реввоенсовета армии. Встречался он и с выступавшими в частях С. М. Кировым, Н. Н. Наримановым, М. Г. Цхакая, М. Д. Оражелашвили, С. Лукашиным, С. Касьяном и др. И в самой армии Егоров имел подлинных интернационалистов, понимавших и учитывавших особенности края. Вместе со многими из них А. И. Егоров был делегирован на X Всероссийский и I Всесоюзный съезды Советов. Мандат его был подписан А. Ф. Мясниковым и С. М. Кировым. Начиная с исторического I Всесоюзного съезда Советов, провозгласившего образование СССР, и по VI (1931 год) Александр Ильич Егоров избирался членом Союзного ЦИК всех созывов.

¹ ЦГАСА, ф. 25873, оп. 1, д. 169, л. 5 об.

² Там же, л. 2.

Переход армии на мирное положение и ее реорганизация в двадцатых годах осуществлялись в исключительно трудных условиях.

— На смену военным кампаниям,— шутил Егоров,— пришли огородные. Надо было кормить красноармейцев, живших буквально на голодном пайке. Дневной рацион бойцов составлял полтора фунта хлеба, пополам с ячменем и овсом, суп из ржавой селедки, ложка каши и два золотника (8 граммов) масла. Мясо было большой редкостью.

Для проверки боевого и морального состояния частей армии А. И. Егоров часто выезжал на места. В конце февраля — начале марта 1923 года он побывал в Батуме, Кутаисе, городах Армении, в начале июня — в Баку.

Где-то в это время и увидела впервые Егорова писательница Галина Серебрякова. Высокий, стройный «с той особой физической выправкой, в которой, как в осанке балерины или движениях спортсмена, проявляется отличное владение телом, каждым его мускулом». Он показался ей «образцовым военным».

«Молодцеватость и внешняя собранность очень его украшали,— вспоминает она.— Идеально прямая спина, тонкая талия, перехваченная ремнем, легкость и уверенность жеста свидетельствовали о тренировке... За ужином Егорова избрали томадой. Он отличался умением придумывать велеречивые тосты. Умел заинтересовать и умными рассказами о былях российских глубинок, о старателях и разных бывалых людях... Была в нем завидная твердость взглядов, убежденность в правоте избранной цели...»¹

Недостатки продовольственного снабжения, об-

¹ «Литературная Россия», № 33, 13 августа 1971 г., стр. 18.

мундирования, тяжелые жилищные условия, частые реорганизации и вынужденные сокращения численности войск, изношенность материальной части — все это сказывалось и на подготовке личного состава. В 1923 году впервые удалось вывести в один общий лагерь все военные школы армии. Это было большим достижением командования и сыграло немалую роль в повышении качества обучения, в налаживании обмена опытом, в развитии и упрочении интернациональной дружбы курсантов. Впервые в том же году в лагерь вышла и армейская артиллерия. В пустынной, выжженной солнцем горной местности раскинулись первые палатки артиллерийских частей и подразделений.

Видное место в подготовке командных, в особенности национальных кадров, занимала созданная по инициативе Егорова Закавказская военно-подготовительная школа, красный кадетский корпус, как он его называл,— прообраз современных суворовских училищ. Создание школы вполне себя оправдало. Ее воспитанники, получив среднее образование и элементарную военную подготовку, усвоив основы воинской дисциплины, становились прекрасными слушателями военных командных школ.

Смотром достижений в боевой подготовке частей послужили 1-я и 2-я армейские олимпиады, проводившиеся в Тифлисе в 1922 и 1923 годах. В стрелковых состязаниях на 1-й олимпиаде в составе объединенной команды тифлисского гарнизона принял участие и командующий округом.

Но не все дни были такими праздничными, как дни олимпиады. Были дни горькие, как июльские 1922 года, когда тифлисцы хоронили легендарного Камо (С. А. Тер-Петросяна), старого большевика-подпольщика и боевика-конспиратора. Были дни тре-

возможные, когда из разных районов Закавказья поступали вести о разбое всевозможных банд.

В 1922 году границу Грузии нелегально перешел бывший полковник князь Чолокаев (Чолокашвили). Созданная им банда в 200—250 человек была в августе уничтожена во время душетской операции, проведенной сводным отрядом под командованием командира Грузинской стрелковой дивизии С. Левктадзе.

Весной 1923 года в Геокчайском уезде Азербайджана вспыхнуло восстание, инспирированное бывшим офицером царской армии (выдававшим себя за турка) Джемалом Эффенди. Бандиты вели среди местного населения тюркофильскую и антисоветскую агитацию. Играя на религиозных настроениях и выдавая одного из главарей за правнука Шамиля, бандиты 20 февраля прервали железнодорожное и телеграфное сообщение на участке Кюрдамир-Сагиры между Ганджой и Баку. 21 февраля в район мятежа был отправлен сводный отряд, так называемая Геокчайская группа. Командующим группой Егоров назначил командира 2-й стрелковой дивизии А. И. Тодорского.

В тот же день командарм телеграфирует в штаб Северо-Кавказского военного округа о готовящейся операции и просит закрыть перевалы в долину реки Самур, чтобы не дать возможности бандитам просочиться на север, в Дагестан.

Восстание в Геокчайском уезде было частью большого контрреволюционного выступления, подготовленного организацией «Иттихад Ислам», насчитывавшей до 1500 человек. Бандиты провели принудительный набор верховых лошадей. Устроили склад запасов хлеба и риса. Для перевозки грузов использовали верблюдов.

Джемал Эффенди объявил себя пашой и отдал приказ об аресте коммунистов, комиссаров и всех сторонников Советской власти. Готовились восстания в селах Сур-Сур, Нижний и Верхний Шильян. Члены организации приводились к присяге на коране.

В планы мятежников входило поднять 22 марта, в первый день праздника «новруз-байрам», восстание не только в Геокчайском, но и в Кубинском, Нухинском уездах. Окружив банду 22 февраля, Тодорский отрезал ее от районов, откуда мятежники могли получить помощь. Отряд Азербайджанской военной школы разбил банду помощника Джемала, которая намеревалась разрушить железнодорожные пути у Кералалы. А. И. Егоров телеграфировал Тодорскому: «(В) дополнение переданных приказаний через помнаштарма подтверждаю: 1. Общее руководство операцией возлагаю на Вас; 2. бандитизм ликвидировать (в) кратчайший срок и (с) бандитами расправиться беспощадно и сурово; 3. население, относящееся недоброжелательно к Соввласти разоружить, пособников и укрывателей арестовать»¹.

23 февраля выступившие из Каракоюклы по почтовой дороге на Кюрдамир части Джемала атаковала 2-я стрелковая дивизия. В бою у Мусакерта банда была разбита. Джемал убит. Приказом по армии Егоров и Мясников отметили подвиг командира пулеметного взвода 5-го стрелкового полка Жукова, который лично уничтожил главаря банды.

С подавлением Геокчайского восстания крупных выступлений на территории самого Закавказья уже не было. Бандиты действовали теперь главным образом в пограничных районах. В одном Ленкоранском районе с территории Персии только за декабрь 1922

¹ ЦГАСА, ф. 25883, оп. 1, д. 1094, л. 40.

года было совершено 68 нападений (за сентябрь, октябрь, ноябрь — 53, т. е. в среднем каждые два дня). 26 января 1923 года, докладывая об этих нарушениях границы главному, Егоров предложил обратиться к персидскому правительству «с требованием принять меры к прекращению налетов и разоружению и уводу персбандитов в глубь Персии, указав, что в противном случае будет признана необходимость преследования бандитов и в пределах персидской пограничной полосы»¹.

Предупреждение было сделано, и персидское правительство арестовало главарей банд Ахмеда Рассулова, Наджафа Кулихана и др.

В районе армянской границы бесчинствовала банда из Индырского вилайета Турции. 8 сентября 1923 года в районе села Шамиран (в 6 километрах восточнее Сардарапата) бандиты ограбили крестьян, расстреляли 24 человека. 11 сентября Егоров приказал произвести в этом пограничном районе, для устрашения бандитов, боевые маневры. Комдиву Армянской дивизии было предложено выделить армянский кавалерийский полк, а начальнику артиллерии перебросить один бронепоезд и один дивизион тяжелой артиллерии. 16 сентября маневры прошли, и на короткое время набеги прекратились.

Борьба с бандитами, нападавшими с турецкой территории, была одновременно помощью кемалистскому правительству Турции, возглавившему движение за национальную независимость. Надежность восточных границ позволила Кемаль-паше перебросить значительную часть своих военных сил на запад. В телеграмме на имя Егорова основатель и первый президент Турецкой республики Мустафа

¹ ЦГАСА, ф. 25883, оп. 1, д. 1094, л. 181—181 об.

Кемаль, или, как звали его турки, Ататюрк («отец турок»), передал «особый братский привет и благодарность за дружескую поддержку бойцам Отдельной Кавказской армии и ее командиру»¹.

Учитывая личный вклад командующего армией в борьбу с бандитизмом и создание национальных соединений Красной Армии, ЦИК Грузинской и Азербайджанской ССР наградили А. И. Егорова орденами Красного Знамени Грузии и Азербайджана.

В августе 1923 года отмечался пятилетний юбилей Отдельной Кавказской армии. 14 августа Егоров выступает в газете «Заря Востока» со статьей «Второе пятилетие ОКА». В этот же день газета публикует приветствие ОКА от ЦИК и Совнаркома ЗСФСР и Реввоенсовета Республики. Накануне в театре имени Руставели состоялось торжественное заседание Тифлисского Совета совместно с профсоюзными организациями города и бойцами ОКА. Доклад «Об итогах пятилетнего строительства армии и дальнейших задачах ОКА» сделал Александр Ильич Егоров. Выступивший перед собравшимися Председатель ЦИК ЗСФСР Миха Цхакая отметил особую роль армии в укреплении дружбы народов Закавказья. Он повторил, как высокую оценку заслуг армии, слова из праздничного приказа Егорова: «Неся как факел перед собою идею интернационализма, армия воплощает ее в себе»².

14 августа на площади Свободы состоялся парад частей Тифлисского гарнизона. К 12 часам дня войска были построены в каре. С краткой речью к ним обратился командующий армией. За ним выступили Цхакая и представители от Тифлисского Совета и

¹ «Красный воин», 1 ноября 1922 г.

² ЦГАСА, ф. 25873, оп. 1, д. 1585, л. 207.

моряков-балтийцев. Комиссар грузинской дивизии Жгенти принял от Тифлисского комитета партии, Тифлисского Совета и Совета профсоюзов Грузии почетное Красное Знамя ОКА. Под звуки Интернационала оно было пронесено перед фронтом войск. Части грузинской дивизии, не принимавшие еще присяги, торжественно произнесли ее слова на родном языке. Затем состоялся церемониальный марш, в котором приняли участие Всевобуч, профсоюзные и комсомольские организации города со своими знаменами.

22 августа «Заря Востока» вышла с шапкой «Награждение ОКА» и сообщением «Вчера Реввоенсоветом ОКА получена из Москвы следующая телеграмма: «По постановлению Президиума ЦИК СССР от 17 августа ОКА награждена орденом Красного Знамени и наименована Кавказской Краснознаменной армией. Поздравляю армию с высокой наградой. Зампред РВСР Склянский»».

Комвойск Украины и Крыма

Суровы были январские морозы 1924 года. Ртутный столбик спускался до — 30°.

21 января утром Егоров, прибывший в Москву на II Всесоюзный съезд Советов, был на приеме у С. С. Каменева. После разговора с главкомом аккуратным почерком на бланке командующего Кавказской Краснознаменной армии перечислил армейские проблемы, которые предлагал поставить на обсуждение Реввоенсовета Союза ССР. На отдельном листке сформулировал вопросы, которые, по его личному мнению, могли быть включены в повестку дня

пленума. А вечером ему уже казалось, что все это он делал не утром, а больше года назад. В 18 часов 50 минут в Горках скончался Владимир Ильич Ленин.

В 6 часов утра 22 января радио разнесло печальную весть по Советскому Союзу и всему миру. «Его больше нет среди нас, но его дело останется незыблемым», — говорилось в правительственном сообщении о смерти Владимира Ильича.

23 января специальным поездом гроб с телом Ленина перевезли в Москву и установили в Колонном зале Дома Союзов. Среди тех, кто стоял в эти дни в почетном карауле у гроба Ильича, был и Егоров. Смерть Ленина глубоко потрясла его.

При открытии II Всесоюзного съезда Советов председатель ЦИК СССР М. И. Калинин сказал:

— Товарищи! Будем свято хранить его заветы. Отдавая его памяти наш последний долг, твердо скажем себе: его мысли, его заветы борьбы за коммунизм являются нашими мыслями, нашими заветами, и как ни была тяжела нам утрата величайшего, любимейшего вождя, мы все должны удесятерить свои силы в борьбе за достижение коммунизма — конечной цели рабочего класса.

Эти слова стали девизом Егорова. В конце января он вошел в состав комиссии по обследованию текущей состава Красной Армии и состояния ее снабжения. Комиссия была создана еще в середине месяца на пленуме ЦК партии. В нее входили М. В. Фрунзе, А. А. Андреев, Г. К. Орджоникидзе, С. И. Гусев, Н. М. Шверник, И. С. Уншлихт. Одновременно с Егоровым в нее были введены К. Е. Ворошилов и А. С. Бубнов.

Результаты работы комиссии рассматривались 3 февраля 1924 года на пленуме ЦК РКП(б). От имени комиссии докладывал С. И. Гусев. Вскрыв ряд

серьезных недостатков (текучесть личного состава, слабая боевая готовность, отсутствие планомерности и системы в работе органов военного управления и их отрыв от войск, необеспеченность армии мобилизационными запасами, неудовлетворительная поставка снабжения и т. д.), комиссия наметила меры по их устранению. Пленум ЦК принял специальное постановление, ставшее программой организационной перестройки РККА.

Одним из первоочередных мероприятий было укрепление центральных военных органов. В начале марта 1924 года Центральный Комитет рассмотрел и утвердил новый состав Реввоенсовета СССР. В него вошли М. В. Фрунзе, К. Е. Ворошилов, Г. К. Орджоникидзе, А. С. Бубнов, А. К. Караев и другие.

В апреле в Реввоенсовет СССР был введен С. С. Каменев. 11 марта 1924 года М. В. Фрунзе был назначен заместителем, а 26 января 1925 года — народным комиссаром по военным и морским делам и председателем Реввоенсовета СССР. 10 мая 1924 года Совет Народных Комиссаров СССР утвердил членом РВС СССР командующего Вооруженными Силами Украины и Крыма А. И. Егорова, сменившего на этом посту М. В. Фрунзе.

В Харькове, как и много раз до этого, Егоров начал с того, что пригласил к себе часть необходимых ему по штатам людей, теперь уже из Закавказья. И вот тут он впервые получил взыскание. Реввоенсовет СССР указал «на недопустимость перемещения комсостава «по вызову» командующих округов, без предварительного согласования с центром»¹. Впрочем, нужды особой в этих перемещениях не было. Делал Егоров это скорее по твердому правилу вы-

¹ ЦГАСА, ф. 25899, оп. 1, д. 70, л. 241.

полнять собственное обещание, даже если оно дано в шутку.

Первые два месяца новый командующий посвятил обследованию войсковых частей округа. В июле с ним выехал прибывший в округ с инспекционной поездкой С. М. Буденный. Они побывали в Умани у Г. И. Котовского, в Киеве, в Одессе. И всюду Егоров требовал прежде всего — учиться, учиться, учиться.

«...При установившейся организации частей Красной Армии,— говорил он,— при огромнейших задачах, стоящих перед ней в деле боевой выучки и политвоспитания, при отсутствии в то же время определенных взглядов на тактическое применение войск вообще и при непомерно увеличивающейся и совершенствующейся технике и вооружении в частности, повелительно диктуется, больше, чем когда-либо, с особенным вниманием, предусмотрительностью и целесообразностью использовать не только каждую неделю отведенного для учебы времени, но и каждый день и даже каждый час»¹.

Егоров стремился всячески развивать инициативу командного состава, неоднократно указывая на то, что «руководящим командирам и политработникам предоставлено право широко использовать необходимую оценку местной обстановки и условий учебы».

Как известно, в 20-х годах в условиях, когда страна не могла выделить для строительства армии достаточного количества средств, было признано целесообразным строить Красную Армию по принципу сочетания кадровых войсковых соединений с территориальными формированиями. Последние предназначались для прохождения боевой подготовки той части призывного контингента, которая не могла быть пропущена через кадровую армию.

¹ ЦГАСА, ф. 25899, оп. 3, д. 1166, л. 307.

Обучению территориальных дивизий (на Украине они имелись в Харькове, Екатеринославе, Артемовске, Киеве и других местах) Егоров уделял особое внимание. «Если полевые войска,—отмечал он,—имеют плюсом значительный период для обучения своих бойцов, то терчасти располагают всего четырьмя неделями. Основные принципы территориально-милиционного строительства, помимо боевой выучки и политвоспитания самих переменников (переменный состав территориальных частей.—А. Н.), еще требуют широкой спайки и связи терчасти... со всем окружающим населением»¹.

Если на Кавказе одной из основных забот Егорова было обучение русскому языку командных кадров национальных формирований, то на Украине он одним из первых поставил перед комсоставом и курсантами военно-учебных заведений задачу изучения украинского языка.

Многих командиров соединений Егоров рекомендовал в академии и на академические курсы. В Артиллерийскую академию РККА он откомандировал помощника начальника артиллерии 51-й стрелковой Перекопской дивизии Л. А. Говорова, будущего Маршала Советского Союза; в Военную академию РККА — командира 5-го кавалерийского полка 2-й Черниговской кавдивизии А. В. Горбатова, ныне генерала армии; на Военно-политические и академические курсы — помощника начальника политотдела 80-й стрелковой дивизии М. Я. Апсе.

В первое время после переезда в Харьков Егоров очень скучал: жены Галины Антоновны² рядом не

¹ ЦГАСА, ф. 25899, оп. 3, д. 1166, л. 313—314.

² Галина Антоновна Цешковская — вторая жена А. И. Егорова.

было, она заканчивала Московский университет по отделу внешних сношений факультета общественных наук. Дочь тоже была далеко. И он отводил душу в письмах. Галине Антоновне отправлял длинные и ласковые послания. Татусе такие же. С дочерью разговаривал, как со взрослой, без скидок. В одном из писем к ней в это время он писал:

«Поступай в организацию юных ленинцев, а потом в комсомол. Знакомься, усваивай и развивай политические знания, дабы быть просвещенной и политически сознательной работницей. Учись хорошо, все должна ты понимать ясно, чего не понимаешь — спроси. Без науки, которую наша юная молодежь должна осилить и понять, мы не мыслим себе развитие нашего Советского государства, а ты должна быть преданной Советскому государству работницей»¹.

Из Тифлиса ему писали друзья, сослуживцы.

В марте 1925 года из Закавказья пришла тяжелая весть о смерти одного из председателей ЦИК СССР, известного советского государственного и партийного деятеля, писателя и публициста Наримана Нариманова. А через несколько дней при авиационной катастрофе погибли Александр Мясников — первый секретарь Закавказского краевого комитета РКП(б), член президиума ЦИК СССР и Реввоенсовета СССР, Георгий Атарбеков — председатель Ревкома Армении, нарком почт и телеграфа Закавказья, замнаркома РКИ и Соломон Могилевский — председатель ЧК Закавказья. В архиве сохранился подлинник телеграммы, написанный рукой Егорова 24 марта:

«Срочная. Тифлис. Зак ЦИК, Заккрайком РКП, РВС ККА.

¹ Из личного архива Т. А. Егоровой-Кузнецовой,

Реввоенсовет Украинского военного округа от имени всех бойцов, командиров и политработников с чувством великой скорби выражает глубокое соболезнование народам Закавказской Федерации, коммунистическим организациям Закавказья и Кавказской Краснознаменной Армии... Отдаем свою товарищескую честь светлой памяти погибших борцов»¹.

Кроме Егорова телеграмму подписали Затонский и Квириг.

Гибель товарищей тем более потрясла, что за несколько дней до этого Егоров видел их, разговаривал с ними, шутил, смеялся: с 3 по 7 марта в Тифлисе проходила III сессия ЦИК Союза ССР второго созыва, на которой он присутствовал.

Летом 1925 года Егоровы отправились в Тифлис почтить память погибших товарищей.

Общительная, легко сходившаяся с людьми, Галина Антоновна была одаренным человеком, которому все удавалось. Хотя по прямой специальности ей пришлось работать лишь очень короткий срок (с ноября по май 1926 года), когда Егоров находился в заграничной командировке в Китае, она никогда не сидела без дела. Пианистка с хорошей профессиональной подготовкой, Галина Антоновна занималась работой среди допризывников и жен командиров (в 1936 году за активную деятельность получила от НКО СССР именные часы). Снималась она и в нескольких полнометражных художественных фильмах, из них самыми популярными были «Зори Парижа» Рошала, «Соловей-соловушка» Экка.

Егоровых отличала приветливость, радушие и необычайная скромность. Член Украинского прави-

¹ ЦГАСА, ф. 25899, оп. 3, д. 1133, л. 113.

тельства¹, член ВУЦИК А. И. Егоров старался, чтобы все, что делалось для него, не ущемило чьих-то интересов и прав. Так, когда летом 1924 года к нему поступило письмо заведующего хозяйственным управлением ВУЦИК с предложением дать заявку на комнату в доме отдыха в Померках, Егоров написал своему секретарю: «Сообщить, что ввиду разъездов по округу для осмотра частей закреплять за собой комнату не считаю целесообразным. Если по обстоятельствам встретится необходимость, тогда отдельно сделать заявку на свободную комнату»².

Егоров охотно и часто выступал перед красноармейцами, молодежью. Президиум ВУЦИК неоднократно командировал его на окружные съезды Советов с отчетами о работе правительства.

Долго готовились к проведению больших окружных маневров сухопутных и военно-морских сил. И все-таки шестидневные маневры войск округа признали неудачными. Дело было не столько в недостаточной подготовке комсостава и красноармейцев, сколько в том, что еще не выкристаллизовалось четко само понятие «маневры». И тем не менее, выступая на заседании Реввоенсовета СССР, Егоров нашел в себе мужество не прятаться за обтекаемое «мы виноваты», а сказать прямо: «Я один из командующих, который присутствовал на маневрах, и я, конечно, являюсь ответственным, так же как и другие, за их провал»³.

¹ 19 июня 1924 года СНК Украины принял решение просить Президиум ВУЦИК ввести командующего войсками Украины и Крыма т. Егорова в состав Совнаркома с правом решающего голоса. 2 июля это было утверждено (ЦГАСА, ф. 25899, оп. 1, д. 70, л. 209, 210).

² ЦГАСА, ф. 25899, оп. 1, д. 70, л. 195.

³ ЦГАСА, ф. 4, оп. 2, д. 50, л. 78.

В дни реорганизации и перевооружения армии

Вернувшись в мае 1926 года из Китая, где он был военным атташе при полномочном представительстве СССР, А. И. Егоров активно включился в работу по реорганизации и перевооружению Красной Армии. Получив назначение на должность заместителя председателя Военно-промышленного управления, он входит в состав коллегии Высшего Совета Народного Хозяйства, а с 23 октября и Постоянного военного совещания при Реввоенсовете СССР. К нему сходились многие нити сложного процесса технической реконструкции армии.

По указанию Центрального Комитета партии оснащение РККА новой техникой следовало проводить в рамках специального пятилетнего плана, к разработке которого был привлечен и А. И. Егоров. Через год Штаб РККА в основном закончил работу по составлению проекта плана, и в мае 1927 года он был одобрен ЦК ВКП(б).

Пятилетка предусматривала конкретные мероприятия по модернизации стрелкового оружия, замене устаревших и изношенных артиллерийских систем, усовершенствованию технических средств борьбы, увеличению истребительной и бомбардировочной авиации. Серьезное внимание уделялось развитию бронетанковых войск. Были созданы опытные танковые и механизированные части.

Все эти годы А. И. Егорова видят и на испытаниях новых образцов оружия, и на новых заводах оборонной промышленности. Он неоднократно выступает на заседаниях Реввоенсовета СССР с отчетами о работе Военно-промышленного управления, анализом со-

А. И. Егоров (крайний справа) среди военачальников на Красной площади 1 мая 1928 г.

стояния вооружения армии и перспективами реконструкции.

В октябре 1927 года Егоров был направлен в Минск командующим войсками Белорусского военного округа. Находясь на этом посту до апреля 1931 года, он стал одним из пионеров практического применения новой техники. Бобруйские маневры 1929 года показали первые результаты, достигнутые на этом пути. Разбирая ход маневров, расширенное заседание Реввоенсовета СССР 28—29 октября 1929 года отметило улучшение технической подготовки пехоты, действительно высокие результаты стрельб, укрепление взаимодействия артиллерии с пехотой, артиллерии с авиацией, повышение летных качеств авиации, высокое качество технических работ специальных инженерных войск, саперов, связистов, железнодорожников.

И все же, несмотря на то что в целом деятель-

ность комсостава Белорусского округа была оценена Реввоенсоветом довольно высоко, первым, кто выступил с критикой ошибок в применении новой техники и в вопросах взаимодействия разных родов войск, был сам командующий округом. Он считал, что на Бобруйских маневрах совершенно отчетливо выявилось отсутствие «твердых навыков в организации и управлении крупных соединений, оснащенных современной техникой». В частности, авиационные соединения действовали «без учета расположения противника», летали на слишком низких высотах, злоупотребляя бреющими полетами и повторяя атаку «неоднократное число раз, несмотря на то что цель может быть потеряла уже свое значение».

Недостаточно использовались, по мнению Егорова, и крупные артиллерийские силы. Их подготовка к стрельбам по подвижным целям была весьма слабой из-за отсутствия хорошо оборудованных полигонов. Не было должного опыта и практики и в стрельбе на поражение.

Анализируя недочеты в применении специальных инженерных войск, Егоров показал, что они упирались в отсутствие транспортных средств. Крестьянский обоз, который мобилизовывался на время маневров и являлся главным средством доставки всей материальной части саперов, связистов и др., был охарактеризован им как «вернейшее средство для того, чтобы наш инженерный парк не был использован». «Перед нами стоит глубочайшей важности вопрос,— отмечал он, обращаясь к членам Реввоенсовета,— обеспечение инженерных парков соответствующими передвижными средствами».

А. И. Егорова поддержал С. С. Каменев: «Не досадно ли по этим куцым тылам, которые были на Бобруйских маневрах (они были чрезвычайно уреза-

ны), посылать эскадрильи в 100—80 самолетов?.. Я сам был свидетелем, когда звено штурмовало три повозки кавалерийского обоза. То несоответствие задач и сил, которые посылаются, и неиспользование авиации говорит о том, не прав ли действительно тов. Меженинов¹, который отмечает, что мы уж очень плотно привязали к земле нашу авиацию... Мы все действия авиации притянули на «первый край обороны» и упустили из виду, что война разворачивается не на «первом краю обороны», но и в глубоком тылу противника. Нашей авиации придется выполнять глубокие оперативные задачи, к которым она абсолютно не готовится».

Вместе с тем Каменев во многом шел дальше Егорова. Критикуя его за неоправданно высокую оценку подготовки пехотных частей, Каменев подчеркнул: «...мне рисуется, что переустройство рядов армии на танки несомненно должно более резко изменить физиономию всей пехоты, и прежде всего ее действий».

Касаясь заявления Егорова о маршах, Каменев говорил: «Товарищ Егоров сказал, что с маршами мы справимся, а я думаю, что именно с маршами на Бобруйских маневрах мы провалились... Больше того, я думаю, что марши... являются каким-то историческим пережитком. Не подлежит сомнению, что теперь, когда у нас артиллерия получает большую подвижность, в одной колонне водить трактор, автомобиль и пехоту нельзя».

На заседании Реввоенсовета СССР с анализом Бобруйских маневров, критикой недостатков и конкретными выводами и предложениями выступили

¹ С. А. Меженинов — тогда заместитель начальника ВВС РККА, затем начальник штаба управления ВВС, заместитель начальника Штаба РККА.

также К. Е. Ворошилов, М. Н. Тухачевский, И. П. Уборевич, И. Э. Якир и др. Так в столкновении мнений, коллективном обобщении опыта рождались новые формы руководства крупными воинскими соединениями, оснащенными современной техникой, новые формы ведения операций и боев, соответствующие более высокому уровню развития вооруженных сил.

Это было время и широкой работы по подготовке новых и переработке старых уставов и наставлений. Особое внимание уделялось уставам и наставлениям для технических родов войск. Опыт, накопленный А. И. Егоровым на посту командующего округом, дал ему возможность выступить с целым рядом важных практических рекомендаций.

Совершенствуя организационную структуру войск, Коммунистическая партия приняла меры к укреплению центрального и окружного аппарата военного управления¹. 17 апреля 1931 г. А. И. Егоров назначается начальником Штаба РККА. В 1935 году Штаб РККА в связи со значительным повышением его роли преобразован в Генеральный штаб. Первым его начальником стал А. И. Егоров, в том же году в числе первых удостоенный высокого звания Маршала Советского Союза.

¹ 20 июня 1934 года Революционный военный совет СССР был упразднен. Народный комиссариат по военным и морским делам преобразован в Народный комиссариат обороны СССР. 22 ноября 1934 года создан Военный совет как совещательный орган при народном комиссаре обороны.

НАКАНУНЕ НОВЫХ ИСПЫТАНИЙ

Разработка военной теории

В начале тридцатых годов Реввоенсовет СССР поручил Штабу РККА подвести итоги проделанной к тому времени в армии разработке оперативно-тактических проблем, связанных с технической реконструкцией вооруженных сил.

Доклад готовила большая группа специалистов, возглавлял ее А. И. Егоров.

Предварительные соображения начальника Штаба РККА были заслушаны Реввоенсоветом СССР 20 апреля 1932 года. После краткого обмена мнениями решили окончательный вариант доклада рассмотреть на специальном заседании.

Напряженная работа над документом заняла несколько месяцев. Она была закончена лишь к началу июля. Констатируя, что принятый Реввоенсоветом СССР план внедрения механизации и моторизации в стрелковые и кавалерийские части и соединения, строительства военно-воздушных сил и мотомехчастей не только изменит организационную структуру вооруженных сил, но и поставит ряд новых проблем стратегического и оперативно-тактического порядка, доклад Штаба РККА рассматривал новое содержание понятия «начальный период войны», отдельные проблемы стратегического сосредоточения Красной Армии, характер операций будущей войны. Все это в кратком виде было суммировано в тезисах доклада А. И. Егорова «Тактика и оперативное искусство РККА на новом этапе», которые в начале июля были

разосланы на заключение командующим войсками округов, заместителям Наркомвоенмора и начальникам военных академий.

Анализируя развитие вооруженных сил за период, прошедший с момента окончания первой мировой и гражданской войн, доклад Штаба РККА¹ отмечал, что новая техника, поступившая на вооружение армий, превратила начальный период военных действий из пассивного прикрытия отомобилизования, стратегического сосредоточения и развертывания сил — в период активных действий с далеко идущими целями. Возможный характер действий войск в этот период выводился в тезисах из того, что «современная операция будет слагаться из боевых действий, протекающих на большом пространстве как по фронту, так и в глубину». При разработке тактических вопросов в тезисах рассматривался порядок использования авиации и бронетанковых войск в наступлении с прорывом обороны противника на всю ее глубину.

«Современные средства поражения,— подчеркивалось в документе,— в силу их большой мощности (авиация, АРГК²), быстроходности (танки, авиация) и дальнбойности позволяют поражать противника одновременно на всей глубине его расположения в отличие от нынешних форм боя и атаки, которые можно характеризовать как последовательное подавление отдельных расчленений боевого порядка.

Эти средства используются так, чтобы парализовать огонь всех средств обороны независимо от глубины их расположения, изолировать одну часть про-

¹ Впервые тезисы доклада А. И. Егорова были опубликованы в сокращенном виде в «Военно-историческом журнале», 1963, № 10, стр. 30—39.

² АРГК — артиллерийский резерв Главного командования.

тивника от другой, нарушить взаимодействие между ними и разбить их по частям».

Особое место уделялось разбору характера операций в войнах будущего, а также места и роли в них видов вооруженных сил и родов войск.

В тезисах подчеркивались возросшие требования к управлению войсками и отмечалось, что «новая форма операции требует широкого применения радио, самолетов, связи и боевых машин (на танковом шасси)», т. е. на первое место ставились радио и подвижные средства связи.

В заключении указывалось:

«Основная проблема современности — это одновременное развертывание боевых действий на большую глубину. Эта проблема является центральной как в тактике, так и в оперативном искусстве.

В тактике разрешение ее намечается по линии проникновения на всю глубину оборонительной полосы противника (район артиллерийских позиций, тактических резервов) при помощи быстроходных танков, истребителей, артиллерии, транспортеров пехоты и действиями штурмовой авиации.

В оперативном искусстве это достигается глубоким выходом в тыл противнику или прорывом в этот тыл, если нет открытых флангов, крупных масс конницы или мотомехсоединений при поддержке мощной авиации».

Тезисы доклада А. И. Егорова были внимательно изучены и рассмотрены всеми, кто был привлечен к обсуждению. Их основные положения были одобрены и поддержаны.

Командующий войсками Украинского военного округа И. Э. Якир отметил своевременность постановки ряда новых положений в области тактики и оперативного искусства в связи с широким внедрением в

армию мотора и развитием авиации. Для практической проверки теоретических выводов, содержащихся в докладе А. И. Егорова, он предлагал провести ряд учений и игр.

Командующий войсками Ленинградского военного округа И. П. Белов, разбирая содержание высказанных положений по стратегии, указывал, что они являются новым вкладом в разработку советской военной доктрины.

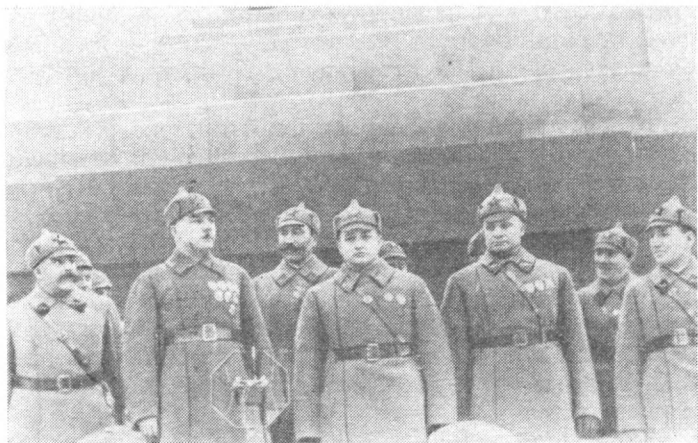
Горячо поддержал основные выводы доклада также бывший в то время начальником боевой подготовки РККА А. И. Седякин. В письме к А. И. Егорову он писал, что полностью разделяет основные положения тактики и оперативного искусства, изложенные в тезисах.

Тезисы доклада Штаба РККА, а также все отзывы и замечания были использованы при разработке инструкции «Временные указания по организации глубокого боя», которую в феврале 1933 года направили в войска как официальное руководство.

Как начальник Генерального штаба РККА, А. И. Егоров часто подчеркивал значение маневров для роста организационного совершенства и боевого мастерства армии, для практической проверки ряда важнейших теоретических выкладок. «Крупные маневры,— говорил он,— это база для, так сказать, оперативного решения вопросов, проверка высшего командования и штабов... Наши высшие начальники, штабы, органы тыла должны видеть природу современной войны, а ее можно видеть на маневрах, они являются практическим средством, подытоживают нашу работу за определенный период»¹.

Наиболее показательными в этом отношении

¹ ЦГАСА, ф. 25873, оп. 1, д. 133, л. 26.

А. И. Егоров (второй справа в первом ряду) на митинге, посвященном XVII съезду партии

были маневры Киевского (1935 год) и Белорусского (1936 год) военных округов. В них принимали участие крупные соединения механизированных войск и авиации, стрелковые и кавалерийские соединения, артиллерия и парашютные части. Характерной особенностью их было высокое насыщение войск сложной боевой техникой.

Учения и маневры свидетельствовали о растущей мощи Вооруженных Сил Страны Советов, о повышении мастерства командного состава, о превращении Красной Армии в первоклассную армию, стоящую на уровне требований современной войны. И в этом была немалая заслуга Генерального штаба РККА и его начальника А. И. Егорова.

«Генеральный штаб РККА,— писал А. И. Седякин в ноябре 1935 года,— должен был выполнить огром-

А. А. Жданов, А. И. Егоров, К. Е. Ворошилов и С. М. Буденный на маневрах под Ленинградом. Осень 1937 г.

ную организационную и исследовательскую работу. Александр Ильич вложил в эту работу весь свой богатый боевой и практический опыт, свою неистощимую энергию и темперамент. Его личный пример стимулировал творческий подъем в работе каждого командира Генерального штаба.

Александр Ильич обеспечил Генеральному штабу РККА ведущую роль и авторитет среди управлений Наркомата обороны, а также в округах, армиях и морях. Генеральный штаб РККА близко стал к практической работе войск. Живым контролем и инструктажем охватываются все виды деятельности армии и в особенности ее боевая подготовка.

Живое, конкретное общение с войсками, штабами, академиями, школами, учреждениями под личным

руководством А. И. Егорова обеспечивает Генеральному штабу возможность быть всегда в голове общего роста Красной Армии»¹.

Поездка в Прибалтику

Каждый день газеты печатали сводки о положении дел в Испании. Контрреволюционный мятеж против Испанской республики был поддержан германо-итальянскими фашистами, рассматривавшими интервенцию в Испанию как важный этап в подготовке мировой войны.

Все советские предложения, направленные на прекращение интервенции Германии и Италии, наталкивались на сопротивление Англии и Франции, правительства которых готовы были уже осенью 1936 года признать мятежника Франко. Только поражение фалангистов у стен героического Мадрида заставило западные державы отсрочить этот акт.

Все более тревожной становилась атмосфера в Европе. Похоронив выдвинутую Советским Союзом идею коллективной безопасности, сторонники политики «умиротворения» агрессора фактически скатывались к прямому сговору с ним на антисоветской основе. В этих условиях одной из главных забот правительства СССР стало укрепление западных границ, и прежде всего стремление предотвратить превращение Прибалтики в плацдарм для фашистского нападения на нашу страну.

В начале февраля 1937 года Александр Ильич Егоров был направлен с официальным визитом в

¹ «Красная звезда», 11 ноября 1935 г.

Литву, Латвию и Эстонию. Визит Маршала Советского Союза, начальника Генерального штаба РККА являлся формально ответом на посещение Москвы в мае 1936 года начальниками штабов армий прибалтийских стран. Но цель его была гораздо шире — демонстрация мирной политики Советского Союза и поддержка все растущего в этих странах движения в пользу укрепления связей со Страной Советов. В этом отношении и время визита было избрано не случайно. Он совпал с днями, когда прибалтийские республики отмечали девятнадцатую годовщину провозглашения независимости.

14 февраля на Белорусский вокзал для проводов советской делегации прибыли литовский посланник Балтрушайтис, эстонский — Тарксмаа, поверенный в делах Латвии Зеллис. Присутствие среди провожающих послов было не просто обычным знаком вежливости, оно показывало, какое значение придавалось визиту маршала Егорова в самих прибалтийских республиках, где не только широкие слои населения, но и часть армейского руководства склонялась к установлению более тесных контактов с СССР, видя в этом гарантию сохранения политического суверенитета и независимости.

И в Даугавпилсе, и в Каунасе Егорова ожидали торжественные встречи. Расписание было плотным. Однако то, как оно было составлено на первый день, показывало, что литовское правительство стремится представить визит советского военачальника обычным визитом вежливости. Его принимали военный министр полковник Диртманис, главнокомандующий литовской армией полковник Рашткус и начальник штаба армии полковник Черниус.

Но уже на следующий день, 16 февраля, обстановка несколько изменилась. Под давлением обществен-

ности литовское правительство вынуждено было в печати и в выступлениях официальных представителей поддержать растущее стремление к укреплению отношений не только между армиями, но и между правительствами, особенно в проведении политики мира в Европе в целом и на Балтике — в частности.

Утром, когда Егоров с сопровождавшими его командирами возлагал венок на могилу неизвестного солдата, каунасцы сердечно приветствовали советскую военную делегацию. В столичных газетах было опубликовано несколько политических статей о Красной Армии, о советской внешней политике, по проблемам, касающимся международного положения и внутренней жизни СССР.

В этот день А. И. Егорова принял президент Сметона, министр иностранных дел Лозарайтис, а вечером он присутствовал на торжественном рауте по случаю дня независимости. Здесь начальник Генерального штаба РККА имел встречи и беседу с премьер-министром Тубялисом и другими членами литовского правительства.

Следующие два дня пребывания в Литве были заняты посещением воинских частей, осмотром военного музея и т. д.

На прощальном приеме в посольстве СССР были все высшие офицеры литовской армии. Выступавшие на приеме отмечали, что дружеская атмосфера визита, в которой не последнюю роль сыграли и личные качества А. И. Егорова, создала благоприятные предпосылки для дальнейшего развития и углубления отношений между Советским Союзом и Литовской республикой.

С 19 февраля начался второй тур трудной и весьма напряженной работы, теперь уже в Латвии. А. И. Егоров встречается с военным министром Лат-

вийской республики генералом Балодисом, начальником штаба Гартманисом, министром иностранных дел Мунтерсом.

На обеде у генерала Гартманиса Егоров заявил:

— Я счастлив подчеркнуть, что являюсь представителем той страны, правительство которой не на словах, а на деле неуклонно проводит политику, направленную на обеспечение и сохранение всеобщего мира.

Во время встреч с офицерами латвийской армии, представителями прессы маршал неизменно подчеркивал, что визит советской военной делегации способствует не только взаимному ознакомлению, но и взаимному пониманию. Некоторые газеты вынесли в заголовок слова Егорова о том, что Красная Армия, в могуществе и силе которой вряд ли у кого имеются сомнения, не представляет собой орудия агрессии и угнетения, а служит миру. Защищая границы своей Родины, Красная Армия является одним из важнейших факторов обеспечения мира в Европе и Прибалтике.

Когда 20 февраля после посещения частей рижского гарнизона советская военная делегация согласно программе, опубликованной заранее прессой, прибыла на ремесленную выставку, а затем в здание экономического офицерского общества, ее всюду встречали собравшиеся задолго до намеченного часа толпы людей, выражавших расположение и искреннюю сердечность. «Можно предполагать,— констатировали представители западных агентств,— что наряду с обычным интересом — посмотреть, что из себя представляют командиры Красной Армии, население, несомненно, проявляет дружественное настроение к Советскому Союзу». Это признание далеко не просоветских наблюдателей было тем более важно, что

Ульманис, глава латвийского правительства, демонстративно приняв «фюрера» германского чиновничества Нефа, не считал возможным принять А. И. Егорова, продемонстрировав тем самым отрицательное отношение некоторых правительственных кругов Латвии к улучшению отношений с СССР.

Тем большее значение имели официальные и неофициальные встречи и переговоры Егорова с военным министром Латвии генералом Балодисом.

Во время этих переговоров по инициативе Балодиса обсуждалась возможность поставок советского оружия в Латвию, был рассмотрен вопрос о помощи латвийской армии командно-инструкторскими кадрами со стороны РККА. И здесь, как и в Литве, главная цель поездки — укрепление дружественных связей между обеими странами — была достигнута.

Вечером 22 февраля советская делегация выехала из Риги в Таллин.

Эстонской прессе было запрещено писать о дне и часе приезда А. И. Егорова и давать политическую оценку этому событию. Зная о том, какой отклик имел визит начальника Генштаба РККА в Литве и Латвии, эстонское правительство опасалось дружеской манифестации со стороны населения, а особенно реакции Германии и Польши на это.

Несмотря на данное администрацией объявление, что делегация прибывает не 23, а 24 февраля, население, узнав от железнодорожников о времени прихода поезда, собралось на привокзальной площади. Во время исполнения «Интернационала» многие, главным образом рабочие, сняли головные уборы.

Начальник генерального штаба эстонской армии генерал Реек, хотя и приветствовал А. И. Егорова словами: «Добро пожаловать», произнесенными на

русском языке, хотя и провозгласил здравицу в честь доблестной Красной Армии, подчеркнув, что советская военная делегация прибыла в Эстонию в день годовщины Красной Армии, был весьма сух и нелюбезен.

Холодок сдержанности, прозвучавший в приветствии Реека, сказывался и в расписании, составленном для делегации, и в растерянности, с которой встречали Егорова вечером 23 февраля на праздничном балу накануне дня независимости в офицерском казино.

Хозяева долго совещались и решили, для того чтобы избежать общения советской делегации с главой правительства Пятсом, отвести ей самый дальний стол. На этой дистанции их хотели выдержать весь вечер, но вскоре главнокомандующий эстонской армией генерал Лайдонер, в прошлом сослуживец Егорова по 13-му лейб-гренадерскому Эриванскому полку, увел маршала для знакомства с главами миссий, а затем тот оказался за столом Пятса и беседовал с ним и министром иностранных дел Энпалу. Лед таял, таяла и предубежденность, хотя никто не вел политических разговоров.

На следующий день на площади Свободы состоялся парад военных частей и так называемых частей «самозащиты». Утренняя эстонская пресса сообщала о курьезном случае, происшедшем накануне. Оказывается, одна из таллинских газет объявила, что в день парада продаются места в окнах домов, выходящих на площадь. Так как раньше такого не бывало, то все это связали с тем, что на параде должна была присутствовать советская делегация.

Симпатии населения выражались и в знаках внимания к советским командирам, когда они по окончании парада пешком направились в свой отель.

На прощальном ужине 25 февраля Реек был предельно краток, выразив надежду, что маршал мог убедиться в искренности сказанных им при первой встрече слов. И тут многих удивил Лайдонер, который, решив дополнить Реека, произнес с удивительной для него теплотой проникновенную речь, суть которой сводилась к тому, что он, Лайдонер, «твердо убежден, что у Эстонии нет оснований опасаться своего великого соседа, занятого мирным строительством... Эстония может только приветствовать рост военной мощи СССР». Особое внимание присутствующих привлекло его заявление о том, что Эстония «будет самым решительным образом защищать свою независимость от любого агрессора». В официальном сообщении об обмене речами на приеме в советском посольстве эстонское правительство сочло необходимым добавить страхующее заявление, что выступавшие в речах не касались третьих государств.

26 февраля А. И. Егоров был уже в Ленинграде. «Эффект от визита,—отмечали полномочные представители СССР в прибалтийских республиках,—был велик. Он способствовал дальнейшему сближению позиций во многих направлениях. Немалую роль во всем этом сыграли личные качества маршала, его такт и умение вести переговоры политического характера. На деловые круги, и в особенности на офицерство, А. И. Егоров действовал импонирующе». Визит начальника Генерального штаба РККА в прибалтийские республики во многом способствовал успешному продвижению в разработке договоров о взаимопомощи, подписанных с этими странами, как известно, в 1939 году, и несомненно оказал моральную поддержку складывавшемуся там антифашистскому фронту.

* * *

Летом 1937 года А. И. Егоров, сдав дела по Генеральному штабу Б. М. Шапошникову, занял пост заместителя наркома обороны. В декабре того же года избран депутатом Верховного Совета СССР. Вскоре после первой сессии Совета, в январе 1938 года, получив назначение на должность командующего Закавказским военным округом, выехал в Тбилиси. И здесь, как и всюду до этого, его главной заботой было укрепление обороноспособности Родины. Верный долгу, он работал с обычной для него энергией, чувством ответственности и сопричастности к будущему.

Когда началась Великая Отечественная война, многие из друзей, соратников и учеников А. И. Егорова не раз вспоминали слова одного из его приказов: «Наши принципы непреклонны. Мы заявляем своим врагам, что войны выдумывать мы не желаем, но если против суверенных прав рабоче-крестьянского государства, против жизненных интересов рабочих и крестьян Советского Союза подымется чья-либо рука, они призовут свою героическую Красную Армию к оружию для защиты своих прав и независимости. Красная Армия держит порох сухим и умеет побеждать». Последнее звучало как эстафета, которую вместе с лучшим из теоретического и практического наследия передали будущему славные герои гражданской войны.

Содержание

Начало	6
Первая мировая	20
На защите революции	33
В мирные дни	67
Накануне новых испытаний	98

Альберт Павлович Ненароков.

ВЕРНОСТЬ ДОЛГУ.

(О Маршале Советского Союза А. И. Егорове.)

Заведующий редакцией *А. И. Котеленец*

Редактор *Л. И. Стебакова*

Младший редактор *М. С. Анисимова*

Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*

Технический редактор *О. М. Семенова*

Сдано в набор 16 мая 1973 г. Подписано в печать 17 сентября 1973 г. Формат 70 × 108¹/₃₂. Вумага типографская № 2. Условн. печ. л. 4,90. Учетно-изд. л. 4,37. Тираж 200 тыс. экз. А 03378. Заказ № 2481. Цена 14 коп.

Политиздат. Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». Москва, Краснопролетарская, 16.

14 коп.

ПОЛИТИЗДАТ • 1973